

Антон Сергеев

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

CLASSIFIED

Сказка с (не)счастливым концом(?)

АНТОН Сергеев

**Сказка с (не)счастливым
концом(?)**

«Автор»

2019

Сергеев А.

Сказка с (не)счастливым концом(?) / А. Сергеев — «Автор», 2019

Действие книги происходит в России ближайшего будущего. Павел — среднестатистический россиянин. В результате взрыва в метро он получает тяжелые травмы и в бессознательном состоянии попадает в один из секретных центров Главной службы безопасности России. Его подозревают в организации теракта, а личностью Паши интересуется сам Первый - единоличный властитель государства. Сможет ли Паша отстоять свое честное имя и какие последствия повлечет за собой эта борьба? Читайте об этом в новом романе-сенсации Антона Сергеева «Сказка с (не) счастливым концом(?)». Содержит нецензурную брань.

© Сергеев А., 2019

© Автор, 2019

СЕРГЕЙ АНТОНОВ

Дженнифер Лопез и частица бога

Паша ехал на работу в вагоне метро и практически спал. Вялые мысли сонными мухами кружили за шторами его закрытых глаз. Он мечтал снова оказаться в теплой кровати арендованной однушки на окраине Москвы. Он думал, что неплохо было бы, существуя в реальном мире мыслеуловитель, совмещенный с воплостителем, который бы излагал на бумаге все, что Паше приходило на ум. Он был довольно изобретателен, но, к сожалению, и очень ленив.

Затем Паша подумал, что был бы очень рад, если бы сдох тот дебил, который так неаккуратно гадит в туалете на третьем этаже их офиса и никогда не смывает говно после своих заседаний. В следующее мгновение ему стало совестно за свои мысли, и он решил, что смерть – слишком суровое наказание для этого засранца, и ему достаточно было хотя бы трех дней жесточайшего запора.

Сам-то Паша всегда смывал за собой все, до малейшего плохо переваренного желудком семечка от съеденной накануне булки с кунжутом. Если хоть крошечный кусочек говна оставался в поле его зрения, он терпеливо ждал минуту, а то и две, пока сливной бачок не наполнится вновь. А потом еще прыскал все вокруг освежителем воздуха.

«Станция «Печатники» – объявил информатор приятным и чуть картавым баритоном, прерывая поток пашиного сознания. Паше нравился этот голос. По утрам он успокаивал его взбудораженную ранним подъемом душу. Иной раз Паше очень хотелось познакомиться с обладателем этого баритона и проводить с ним в разговорах ни о чем долгие вечера. А вот ту хабалистую тетку с резким и скрипучим голосом, объявляющую станции, когда Паша ехал с работы, он надеялся никогда не увидеть. Название каждой станции в исполнении этой бабы ввинчивалось в пашину голову словно ржавый шуруп.

В Печатниках в вагон втиснулось еще несколько человек, которые сжали находящихся неподалеку от дверей пассажиров до состояния сосисок в вакуумной упаковке. Трое из вновь прибывших явно были из числа сынов кавказских гор. Двери вагона с первой попытки не закрылись, и один из этой троицы громко заорал, обращаясь к молодому парню, который пытался залезть в поезд последним: «Сними очки, э! Очки мешают!» Товарищи горца дружно захохотали над шуткой доморощенного Петросяна.

Парень кое-как повернулся, и поезд тронулся с места. Внимание говорливого кавказца привлек уже другой пассажир – лысый дядька, стоявший неподалеку. Сначала, южанин о чем-то энергично заворковал со своими единовверцами, то и дело кивая в сторону дядьки, а затем, ничуть не смущаясь, вдруг начал кидаться бумажными комками в его блестящий череп.

По лицам окружающих людей было видно, что они находятся в небольшом шоке от происходящего, но возмутиться вслух никто не рисковал. Каждый понимал, что связываться с дикарями себе дороже. Об этом говорил весь их многолетний опыт сосуществования с подобными личностями.

«Блин, еще две остановки терпеть этот цирк!», подумал Паша и снова впал в анабиоз, обмякнув на соседях по вагону и закрыв глаза. Разумеется, он, как и остальные, не принадлежал к числу героев и не горел желанием призывать хулиганов с Кавказа к ответу.

Когда он снова открыл глаза, то обнаружил, что лежит на кровати, укрытый до шеи каким-то толстым одеялом, и сначала не поверил в происходящее. Вот это круто, подумал он. Хорошо, что хоть иногда мечты сбываются.

Вот только это явно была не его спальня. Он чувствовал странную слабость и достаточно сильную боль в груди. Возле уха что-то назойливо жужжало.

Паша не мог определить, жужжит возле правого или возле левого уха? То ли «в обоих ухах», как говорила одна небезызвестная героиня детского мультлика. Паше почему-то очень

сильно захотелось вот прямо сейчас же определить источник жужжания и от души, со всего размаха прихлопнуть его. Он сделал было движение, пытаясь подняться с кровати и обнаружить назойливую жужжалку.

Однако, осуществить задумку не удалось. При попытке встать Паша почувствовал, что будто бы пристегнут к койке. Руки и ноги совсем его не слушались. Мало того, он их практически не чувствовал!

В панике он отчаянно завертел головой. Белые оштукатуренные стены без окон, мягкий свет струится от длинных плоских плафонов по периметру потолка, тумбочка слева возле кровати. На тумбочке стоит какая-то аппаратура, по виду медицинская, от которой под одеяло к пашиному телу протянуты шланги с мутноватой жидкостью. Справа от кровати какой-то коридорчик, судя по всему, там расположена дверь.

Обозрев окружающую его обстановку, Паша не на шутку струхнул, отчего жужжание стало еще яростнее. Запиликала какая-то гнусная мелодия. Буквально через несколько секунд раздался звук открываемой двери. «Будто шлюз космического корабля открыли... Может, я уже на том свете?» – подумал Паша.

В комнату вошел двухметровый детина в белом халате с сединой в торчащих ежиком коротких волосах и, увидев ошалелого Пашу, издал удовлетворенное хмыканье.

– Ну, Павел Андреевич, как вы себя чувствуете? Заставили вы нас поволноваться, батенька!

– В смысле? – ответил Паша. – Что вообще произошло? Где я? Кто вы такой?

– Да вы не волнуйтесь, все самое страшное уже позади! – от этих успокаивающих слов мужика в халате у Паши в голове заухало.

– Что страшное-то? Вы скажете мне, наконец, что случилось? – упавшим голосом прошепел он.

– А вот это мы хотели узнать у вас, дорогой Павел Андреевич! – жизнерадостно пропел незнакомец. – Расскажите?

– Что за бред? – Паша зажмурил глаза и безуспешно постарался успокоить колотящиеся внутри черепа молоточки. – Я ехал в метро на работу. Помню, «Печатники» объявили... И вдруг я оказался тут. Привязанный к этой чертовой кровати! – Паша взвизгнул от ярости. Вернее, попытался взрыкнуть по-тигриному, но вышел слабый писк не слишком здорового цыпленка. – Задери вас кабан, вы мне скажете, что здесь происходит?!

– Голубчик, не надо так нервничать! Это очень плохо может отразиться на вашем здоровье!

– Да куда уже хуже, я ни рук, ни ног не чувствую! Грудь болит так, как будто по мне походил отряд ОМОНовцев в полной экипировке! – из глаз Паши полились крупные слезы.

– Ну, это дело поправимое. Практически. Вы даже шуткуете, а это уже замечательно, Павел Андреевич, – невозмутимо ответил мужчина.

– Не буду держать вас в неизвестности. – он перешел на официально-сухой тон, которым по телевизору, насколько помнил Паша, когда-то любили рассказывать про надои скота в различных регионах необъятной родины.

– Видите ли, Павел Андреевич... Три дня назад, восьмого сентября две тысячи двадцать пятого года в московском метрополитене, в четвертом вагоне поездного состава, на перегоне между станциями «Печатники» и «Кожуховская» произошел теракт. К несчастью, это был вагон, в котором находились вы, дорогой вы наш человек!

– Так как же я... как же я выжил? – с трудом выдавил из себя Паша. Перед его глазами пронеслась череда интернет-заголовков о взрывах в различных городах России, последний из которых был, кажется, лет пять назад. Санкт-Петербург, Самара, подмосковный аэропорт Шереметьево...

– О, не волнуйтесь вы так! Вы практически не пострадали, учитывая мощность взрыва. Так, пара небольших мелочей, и одна... хм, побольше. – усмехнувшись, продолжил незнакомец. – Ах, да! – перебил он сам себя. – Я же не представился. Николай Васильевич Гурвич, ваш лечащий врач.

– Что за мелочь побольше? – Паша набрал в легкие воздуха и затаил дыхание, ожидая ответа.

– Да так, сущая безделица... Рука. Правая. К сожалению, ее у вас больше нет. Но вы не расстраивайтесь чересчур, ведь большая удача, что вы вообще выжили! Кстати, об этом я тоже хотел с вами поговорить...

Паша уже не слушал скороговорку Гурвича. У него не было правой руки! Блядь, да что же это такое творится? Если это сон, то сейчас было самое время проснуться, слышите? Немедленно!

– Павел Андреевич, я понимаю ваш шок, но это совершенно контрпродуктивно! – убеждающе заговорил Гурвич. Видимо, Паша произнес вслух то, что у него было на уме.

– Это не сон, вы находитесь в палате № 9 спецбольницы Главной службы безопасности в Юго-Восточном районе города Москвы. Трое суток вас держали в реанимации, но сейчас вашему здоровью уже ничто не угрожает.

– Сколько мне еще здесь лежать? – в голову Паши начали лезть не особо уместные в данной ситуации мысли об увольнении из-за прогула работы и даже, как ни странно, о вынужденном возвращении в Воскресенск, к матери. – Когда вы меня выпустите?

– Мы вас подлечим, зададим несколько вопросиков, а затем отпустим на все четыре стороны. Будете как новенький! Не считая руки, – виновато добавил Гурвич.

– А теперь извините, Павел Андреевич, вам пора отдыхать, – врач достал из кармана халата какую-то ампулу. – На сегодня достаточно разговоров, восстанавливайтесь. Нам еще предстоит о многом поговорить, но не теперь.

– Что там у вас? – Паша и сам чувствовал, что те немногие силы, с которыми он очнулся, подошли к концу.

– О, это – ваш сегодняшний витаминный коктейль. Наша гордость! – Гурвич отломил кончик ампулы, набрал ее содержимое в шприц и аккуратно воткнул его в портал на одном из шлангов. – С его помощью вы быстро придете в себя. Все, отдохайте! – и он вышел из комнаты, оставив Пашу одного.

Паша попытался было суммировать в голове все произошедшее с ним за последние часы или дни? Но буквально через пять минут после ухода Гурвича он уже всю хрипел.

На следующий день, – по крайней мере Паша прикинул, что он проспал некий средне-стандартный отрезок времени, – он проснулся с гораздо лучшим самочувствием. Открыв глаза, Паша заметил, что пристегивающие его к кровати ремни исчезли.

Есть и пить не хотелось. Наверное, он получал питание внутривенно. Зато очень захотелось встать с кровати и выйти из этой душной комнаты. Ноги, вроде бы, стали ощущаться, и Паша подвигал ими под одеялом, получив от этого несказанный кайф. Также он смог выпростать левую руку с торчащими из локтя шлангами из-под одеяла и почесать зудящий нос. Затем Паша откинул одеяло и, приподняв голову, уставился на свое тело.

В этот момент снова раздался звук открываемого шлюза, и к Паше вошел уже знакомый ему Гурвич.

– Ну, как вы сегодня, милейший? – он неуклюже попытался изобразить доброжелательность на своем стальном лице. – Осматриваетесь?

– Едрена вошь... Как меня... – Паша смотрел на свою туго перетянутую сплешняком бинтами грудь и замотанный корешок на месте правой руки. Его ноги были облачены в какие-то больничные штаны.

– Снизу хоть все нормально? – нашел в себе силы спросить он сквозь слезы, кивая на область паха. – Ведь там все в порядке? – с нажимом произнес он и вопросительно перевел взгляд на Гурвича.

– О, да, не волнуйтесь! С нижней половиной тела у вас все просто замечательно! Скоро вы сможете пройти по коридору. С нашей помощью, конечно. – Гурвич подошел к пашиной кровати и уселся на ее краешек, сдвинув в сторону левую ногу своего пациента.

– Павел Андреевич, нам с вами нужно серьезно поговорить обо всем, что случилось. Я понимаю, что вы еще очень слабы, но времени у нас нет. Сами понимаете, в таких делах нужно работать максимально оперативно. – Гурвич похлопал Пашу по бедру.

– Через... четыре минуты, – он посмотрел на часы, – сюда придет мой коллега. Попытайтесь все-таки восстановить в памяти хоть что-то, что сможет нам помочь. Это в ваших же интересах.

Паша закрыл глаза и представил себя стоящим в вагоне метро. Он ехал с конечной станции, с Зябликово, проехал семь станций до Печатников, но никого особо подозрительного вокруг себя вроде бы и не замечал. Он, конечно, и не вглядывался, но подозрительные люди, обычно, сами бросались в глаза. Конечно, те молодцы с Кавказа вели себя довольно вызывающе, но вряд ли они стали бы привлекать к себе внимание, если бы задумали что-то настолько противоправное...

Паша вспомнил один случай. Однажды, довольно поздно, он ехал с работы в метро и заметил краем глаза как какой-то бритый налысо мужик сфотографировал его на свой мобильник. Паша подсел к мужику, благо свободных мест хватало, и, скосив глаза влево, увидел, как тот пишет кому-то по ватсапу: «Похож. Подойдет?» В этот момент поезд подошел к станции, и Паша встал и направился к двери, пристроившись сзади к людям собиравшимся выходить. Бритый тоже встал и, опередив Пашу, прошел к дверям вплотную, оттерев остальных пассажиров плечом. Он первый вышел на станции и неторопливо сделал несколько шагов в сторону выхода, ожидая, что Паша выйдет следом и опередит его, а он пристроится сзади. По крайней мере, именно такой ход событий представлял себе Паша. Но он остался в вагоне, а когда двери закрылись и поезд тронулся, с удовольствием заметил, как тот тип, растерянно оглядываясь, ходил по платформе, пытаясь найти Пашу.

– ... Андреевич! Павел Андреевич, вы с нами? – Гурвич дернул Пашу за пальцы уцелевшей руки, и тот очнулся от воспоминаний.

Открыв глаза, Паша увидел, что рядом с Гурвичем стоял мужик, как две капли воды похожий на него. Нет, они явно не были братьями или даже родственниками. Но, тем не менее, выглядели как две горошины из одного стручка. Стальное лицо, военная выправка. Блестящие глаза-буравчики, седина в волосах ежиком, гладко выбрит, рост под два метра, худощав. Под наглухо застегнутым, длинным, до подошв ботинок, медицинским халатом на мужике явно была какая-то форма.

– На какой фабрике вас всех делают? – пробормотал Паша.

Гурвич проигнорировал его реплику.

– Знакомьтесь, это Иван Алексеевич Посколитов. Наш, так сказать, правдолюб.

Посколитов скорчил жуткую гримасу, не разжимая тонких бледных губ и делая короткий кивок головой. Наверное, он думал, что так улыбается. Его глаза при этом оставались холодными, словно два осколка льда.

– Вы что-то вспомнили, Павел Андреевич? – спросил Гурвич. – Мы с коллегой уже минут восемь ждем, когда, наконец, сможем приступить к... беседе.

– Вспомнил, но не совсем то, как мне кажется... Честно, не знаю, чем я вам смогу помочь. Я не отмечал в то утро ровным счетом ничего подозрительного.

– Людей в вагоне было много? – в разговор вступил Посколитов. Голос у него был под стать лицу. Стальной и безжизненный. – Бородатые мужчины? Не славяне?

– Да как обычно. Сначала не много, это ведь не фиолетовая и даже не зеленая ветки. Потом набралось, конечно. К Печатникам меня уже прилично подавили. Я стараюсь недалеко от выхода стоять, а там всегда самый наплыв. Особо бородатых я не видел, – он решил не упоминать трех горцев, так как не считал их виновниками случившегося. А может быть просто потому, что уже испытывал сильную неприязнь к допрашивающему его Посколитову.

– Да я и не всматривался, понимаете? – он почему-то начал оправдываться. – Утро, и так тошно. И вокруг такие же унылые работяги. На них смотреть – только себе настроение дальше портить. Вы же знаете, что у нас мало кто улыбается, особенно в таком месте и в такое время!

– А вы ведь не особо большой патриот, Павел Андреевич!? – внезапно сменил тему Посколитов. – Люди вам наши не нравятся... В фейсбуке всякое постите... Плохо вам в России живется? – повысил он голос.

Паша, в недоумении от такого поворота, вопросительно посмотрел на Гурвича. Тот же, с некоторой брезгливостью в лице, молча сверлил Пашу немигающим взглядом.

– А причем здесь это, я не понял? – только и нашелся, что ответить, Паша.

– Интересная картина вырисовывается, – сказал Посколитов, не обращая внимания на пашину реплику. Он немного закатил глаза, словно заглядывая себе под череп, и продолжил, – Занозин Павел Андреевич – молодой человек, двадцать семь полных лет. Дед ваш, Федор Константинович, был довольно известным, в свое время, астрономом, а также так называемым «охотником за небесными камнями». Был объявлен врагом народа, между прочим. – Посколитов покачал головой. – Отец, Андрей Федорович, не добившись особых успехов в жизни, умер в результате несчастного случая десять лет назад.

– Вы, Павел Андреевич, закончили Государственный университет управления по специальности «менеджмент на транспорте». Работаете в ООО «3Д решения» менеджером по продажам оборудования. Отличаетесь нонконформизмом, так называемой «активной гражданской позицией». Верно излагаю? – Посколитов явно не ждал ответа, но Паша, приоткрыв рот, молча кивнул.

– Так вот, – снова подал голос Посколитов. – Молодой человек, яростно протестующий против действующей власти и государства, ходивший, между прочим, на антиправительственные и не согласованные с властями митинги, размещающий на своих страничках в соцсетях навязанную западной пропагандой заведомо ложную и очерняющую российский народ информацию...

– Этот молодой человек, то есть вы, Павел Андреевич, внук врага народа, едете на работу в метро и, конечно же, совершенно случайно! – Посколитов громко хмыкнул, по-прежнему не размыкая губ. – Совершенно случайно оказываетесь в эпицентре взрыва! А не далее, как год назад вы, дорогой вы наш Павел Андреевич, на неделю ездили в Лондон, не так ли?

– Что за пургу вы несете? – Паша обессилено откинулся на подушку и закрыл глаза. На лбу у него выступили крупные капли пота, а во рту, наоборот, пересохло, будто на дне дырявой кружки. Сердце стучало, словно паровой молот, где-то в районе горла.

– Отвечать на вопрос! – громыхнул Посколитов.

– Да, я был в Лондоне, – слова давались Паше необычайно тяжело. Он словно выплевывал булыжники изо рта. С другом. Неделю пробыли. Снимали квартиру. Купили билеты на самолет за полгода. Дискаунтер. Гуляли, пили пиво. Какое это имеет отношение?

– По нашим данным, вас там могли завербовать спецслужбы зарубежных государств, – Посколитов сделал рубящий жест рукой. – Сейчас наши сотрудники проверяют эту информацию.

– Бред какой-то, – выдохнул Паша.

– Мы разберемся, бред это, или не бред. Посты в фейсбуке, твиттере не отрицаете? – Посколитов явно сел на любимого конька. – Хожение по митингам?

– Не отрицаю. Что спрашиваете, вы же и так все уже проверили?

– Вопросы здесь задаю я. Итак, Занозин Павел Андреевич, вы признаетесь, что были организатором теракта в московском метрополитене утром 8 сентября? – После заключительной фразы Посколитов приоткрыл свой рот и демонстративно медленно облизнул зубы кончиком языка в ожидании ответа.

Пашино сознание словно раздвоилось. Он вроде бы находился одновременно и в этой непонятной комнате с двумя незнакомыми и до омерзения неприятными людьми, говорящими ужасные вещи, и еще где-то далеко. В том далеке было спокойно, темно и уютно. В этой темноте Паше хотелось свернуться калачиком и никогда больше не появляться на свет. Ему хотелось, чтобы его бытие навеки замерло в том самом спокойном, уютном месте. Сказать «да»? Будет ли это концом всего? Короткое и простое слово так и просилось с языка. Но что-то иное пробилось сквозь уют и тьму. Что-то злое кольнуло пашин затылок острыми коготками.

– Нет, – прошептал он.

– Нет. Я не делал ЭТОГО. – Паша посмотрел в застывшие маски лиц напротив него. – Я не отрицаю ничего из того, что вы мне тут зачили. Ни антигосударственного настроя, ни размещения абсолютно правдивой, к вашему сведению, информации про творящееся в нашей стране, в моей стране! беззаконие, ни поездки в Лондон, ни даже того, что ходил на запрещаемые нынешней властью митинги!

– Но ваше обвинение в совершении теракта – это что-то за гранью добра и зла, дорогой вы мой гражданин дознаватель, – передразнил манеру обращения гбшников Паша. – И дед мой был замечательным ученым, болеющим за свою страну! Больше мне нечего сказать. Я хотел бы выбраться отсюда как можно скорее, если у вас больше ко мне нет вопросов. Или доказательств моей вины!

– О, дайте нам только время, Павел Андреевич, дайте время! – Посколитов заложил руки за спину. – Я рад, что мы с вами поговорили начистоту. Возможно, понадобится еще не одна беседа. Но сейчас, я вижу, вы несколько поистрепались... – он вдруг сделал быстрый шаг к изголовью пашиной кровати и протянув средний палец правой руки, собрал им со лба Паши несколько застывших там капель пота, а затем, не торопясь, поднес его к своему рту и облизнул. Не говоря больше ни слова, он развернулся и размеренным шагом вышел из комнаты.

В комнате воцарилась гнетущая тишина. Оставшийся здесь Гурвич молча разглядывал Пашу со своей позиции в ногах его кровати. Паша переваривал случившийся диалог и поведение психованного гбшника. Перед его глазами, словно заслоня собой от недавних переживаний, стояла смутная фигура деда, Федора Константиновича Занозина.

Дед для Паши был каким-то полумифическим созданием, с всклокоченной бородой и венчиком пушистых волос вокруг основательной лысины, которое очень редко, но всегда очень ярко врвалось в пашину детскую жизнь, принося с собой множество забавных историй и необычных подарков.

Дед проводил почти все свое время в арктических экспедициях, охотясь за упавшими на Землю метеоритами, но, когда возвращался оттуда, обязательно находил время, чтобы навестить внука. Пока дедушку не упекли в тюрьму, он был частым гостем в их квартире. Рассказы про белых медведей, морозы, любопытных песцов, братство полярников и, конечно же, про небесные камни – далекие гости из других миров, неизменно приводили Пашу в радостное возбуждение, длившееся неделями после очередного дедушкиного визита.

В пашиных снах поселялись ручные пингины, с помощью которых он находил осколки комет и астероидов, становился знаменитым на весь мир и получал в подарок огромный радиоуправляемый луноход. Он хотел стать как дед, великим ученым, астрономом, первооткрывателем космических глубин. Однако, как это часто бывает в жизни, ему пришлось довольствоваться более скромным умением продавать 3Д принтеры и комплектующие.

Прокрутив через свое сознание мысли о деде, Паша машинально потер рукой забинтованную грудь. Там, оправленный в серебро, на цепочке должен был висеть небольшой кусочек

метеорита, который когда-то подарил ему дед. Паша никогда не снимал с себя этот артефакт, но теперь его, конечно же, не было.

– Куда цепочку дели, ироды? – произнес Паша в воздух, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

– Цепочку? Какую цепочку, Павел Андреевич? – Гурвич сразу включился в разговор, живо наклонившись вперед.

– Цепочка на шее у меня была. Серебряная. С камушком.

– Павел Андреевич, ваша грудь... была достаточно существенно повреждена взрывом. Мы не находили при вас цепочки. Ее, наверняка, смело взрывной волной. Мы поищем в вещдоках, я вам обязательно ее доставлю, как только найдем. – Гурвич был сама вежливость.

– Кстати, как ваше самочувствие? – спросил он. – Сможете встать?

– Хм, попробую.

Паша быстро провел внутренний аудит своего состояния и с удивлением обнаружил, что, несмотря на эмоциональную выхолощенность после обескураживающего наката Посколитова, физически он чувствовал себя достаточно крепко, чтобы хотя бы попытаться встать. Жутко чесались грудь и тот забинтованный бугорок, что оставался от правой руки, но Паша боялся к нему прикоснуться.

– Давайте, я помогу вам, – Гурвич поднялся со своего места и, подойдя ближе к изголовью кровати, посредством нескольких манипуляций отключил Пашу от шлангов.

– Все, можете вставать, – он протянул Паше руку.

Паша, проигнорировав руку Гурвича, откинул с ног одеяло и слегка побряхтывая от долгого лежания и легкой тревожности нового опыта, перевернулся на бок и осторожно опустил свои босые ступни на пол, а затем и встал, немного покачиваясь из стороны в сторону.

Постояв так с минуту, он сделал сначала один, потом другой шаг к дальней стене, оттесняя Гурвича рукой в сторону. Тот не препятствовал, лишь молча следил за пашиными передвижениями. Чуть закружилась голова, но затем быстро прошла. Паша посмотрел направо и увидел белую, в цвет стен, матовую поверхность двери без ручки. Справа от нее располагался небольшой квадратный экранчик сенсорной панели.

– Прелестно, – буркнул себе под нос Паша. – А где тут душ, туалет? Я думал, у вас тут все удобства в персональных номерах должны быть. Кстати, а почему я не хочу в туалет? У вас хоть «утка» есть? Вы же мне вводите какое-то внутривенное питание, я правильно понимаю? Должно же это как-то перерабатываться в отходы?

– Павел Андреевич, вам не нужно об этом думать. Утку вам принесут, как только вы перейдете на другой тип питания. А пока... Наши коктейли превосходно сбалансированы, все идет только в нужное русло, поверьте.

– Чудеса.

– Как ваша грудь, Павел Андреевич? – Гурвич подошел к Паше и коснулся бинтов.

– Да ничего, гораздо лучше вчерашнего. Чешется...

– Рези нет? Дышать не больно?

– Нет, все нормально.

– А в ногах слабости нет? – продолжал опрос Гурвич.

– Может быть, чуть-чуть.

– Отлично. Что ж, на сегодня с нас, пожалуй, хватит... Ложитесь, я вас подключу обратно. – Гурвич запустил руку в карман халата, доставая уже знакомую Паше ампулу со смесью.

Паша послушно вернулся на кровать и улегся на исходное положение.

– Что ж, теперь я вас оставляю, – Гурвич быстро управился с рутинной процедурой и направился к выходу. – Набирайтесь сил. – Он уже почти завернул за угол, но в последний

момент обернулся и добавил, будто вспоминая, – Да... и подумайте насчет признания, Павел Андреевич. Может, так будет проще для всех?

Раздался шум открываемой двери, и Паша остался в одиночестве.

– Проще для вас, блядей! – крикнул он в пустоту, немного подождав.

Куда уж проще. – повторил он. – Работать не хотите, суки. Нашли козла отпущения. На меня повесить все? Конечно, это лучший для вас выход! Попался, блин, в пасть к дракону...

– Паша забормотал скороговоркой, ощущая как коктейль Гурвича обволакивает его сознание тугой пеленой, начиная свое действие. – Твари, вместо того чтобы искать настоящих террористов, делаете из жертв преступников. Знаем мы ваши методы и порядки... У, гнусные... – он провалился в сон, отметив под конец, что свет в комнате погас.

Во сне он увидел мужчину, который сидел на скамейке возле одноэтажного деревенского дома, качая на коленях мальчика лет пяти-шести. Мальчик вертел в руках игрушечную ракету. Был один из тех замечательных раннеосенних дней, когда солнце одаряет вас нежным теплом, а легкий ветерок играет с волосами в салочки.

– Пап, а когда люди поселятся на других планетах?

– Не знаю, сынок. Может, когда ты вырастешь и станешь как твой дедушка Федя.

– О, так долго ждать? Пап, а побыстрее никак?

– Ну, может и побыстрее.

– *Привет*, – раздался вдруг сквозь сон незнакомый голос.

– Что? Кто это? – спросил Паша, вертя по сторонам бестелесной головой. Отец с сыном были погружены в беседу, и голос не принадлежал никому из них.

– Пап? – мальчик обернулся к отцу, поднося ему к лицу игрушку. – А мы на таких ракетах будем летать в будущем?

– Павлуша, у вас будут намного лучше, поверь мне!

Паша никак не мог понять, кто только что поздоровался с ним. Сквозь редкие штакетины забора было видно лишь пустую дорожку и сидящих на ветках кустов воробьев.

– *Ты меня слышишь? Привет!* – снова произнес кто-то невидимый.

– Привет, – осторожно ответил Паша. – Ты кто? – шепотом спросил он в пространство, опасаясь, как бы его не услышали те двое, со скамейки.

– Пааап, что-то я замерз. – ребенок прижался к отцу и мелко задрожал.

– Пойдем в дом, Павлуша, пойдем в дом. – Мужчина взял сына на руки, встал со скамейки, и скрылся в доме.

– *Паша, здравствуй!* – голос будто бы доносился из-за спины Паши.

– Да кто ты такой, черт тебя дери!? – воскликнул Паша, вертясь на месте и никого не находя.

– Занозин! – услышал Паша громкий зловещий шепот и открыл глаза.

В темноте, освещаемой редкими тусклыми вспышками лампочек медоборудования, угадывался крупный мужской силуэт, блестящие глаза и тонкогубый рот Посколитова.

– Ты мне во всем признаешься, гнида! – тот наклонился над Пашей и упер ему руку в грудь. – Или вновь будешь покойником!

– Что? Что вы делаете? – захрипел Паша, с трудом вдыхая воздух стиснутыми от давления Посколитова легкими. – Вы совсем больной что ли?

– Говори, сука! Ты поезд взорвал? Кто твои поделщики? – Посколитов яростно изрыгал из себя слова, и на Пашу летели брызги слюны из перекошенного рта гбшника.

– Я вам уже сказал, что я ничего такого не делал! Оставьте меня в покое! Где Гурвич? Он знает о вашей выходке? – Паша попытался сдвинуть руку Посколитова у себя с груди, но это оказалось безнадежным занятием.

– Ты не будешь знать покоя, слизняк! И никто тебя отсюда не спасет, никто не придет за тобой! Ни твои дружки-террористы, ни дружки-сраные активисты, никто! Для всех ты –

уже покойник, покойник! О, уж мы-то позаботились об этом! – Посколитов вошел в какой-то, похожий на религиозный, раж. – Запомни это, гнида! – Он сильно стукнул Пашу по щеке открытой ладонью своей левой руки, и у того зазвенело в ушах.

– Ты теперь наш! – Посколитов распрямился над Пашей и развел руки в стороны. – И нашим останешься до конца! Каким бы он для тебя ни был, дорогой ты наш Павел Андреевич, – выплюнул он напоследок. – Я еще вернусь к тебе, и лучше бы тебе к тому времени быть готовым признаться во всем! – гсбшник повернулся к аппаратуре и, пошарив рукой между стеной и тумбочкой, выдернул провода из розетки.

– Наслаждайся темнотой, Занозин. Тебе недолго осталось на этом курорте! – заключил он и вышел из комнаты.

Насладиться темнотой не получалось. Пашины мысли бегали по голове, как застигнутые врасплох ярким светом тараканы, натываясь друг на друга.

«Вот попал!» «За что это все мне?» «Что за херня?» «Покойник?» «Тварь, просто конченная тварь!» «Мразота!» фразы вертелись, сменяя друг друга, в бесконечном хороводе вокруг пашиной головы.

– Да что же это такое? – простонал Паша в отчаянии. – Почему я? Почему именно я? – он саданул кулаком себе по бедру и скривился от боли.

– *Паша!* – позвал тихий голос в темноте.

– Да что, бля? Кто тут еще? – Паша широко раскрыл глаза, пытаясь разглядеть нового посетителя, но в комнате кроме него никого не было.

– *Это я. Вернее, ты. Мы.*

– Что? – голос вроде был Паше знаком. Точно, это с ним Паша здоровался во сне!

– Понятно, – протянул скучным голосом Паша. – Не хватало только кукушке съехать... ну что ж, неудивительно, после всех этих событий... В моей раненой башке завелся чертов друг! Ну здравствуйте, дорогой товарищ! – саркастически улыбнулся он сам себе.

– *Паша, тебе необязательно говорить вслух. Сформулируй вопрос или фразу в своей голове, и я тебя услышу.*

– Почему-то я не удивлен этому обстоятельству. – Паша продолжил говорить вслух, правда теперь снизил голос до шепота. – Ну давай, представляйся. Как тебя там? Барон Вислорбрюх или Наполеон Третий? Ада Горштейн? Савелий Крамаров?

– *Паша, я настаиваю на том, чтобы мы с тобой общались мысленно. Поверь, это будет для тебя... для нас намного полезнее и, что самое важное, безопаснее. Ты же не хочешь, чтобы твои новые друзья обвинили тебя еще по нескольким статьям, а в конце сожгли на костре как ведьму? Хоть сейчас и не те, не такие уж далекие, времена, люди определенных профессий с тех пор не сильно изменились.*

– *Так пойдет?* – громко попробовал подумать Паша про себя.

– *Отлично. Нам повезло, что Иван Алексеевич в запале, так сказать, праведного рвения обесточил питающую нас аппаратуру. Видишь ли, она, как и все остальное у этих людей, помимо основной, выполняет сразу несколько довольно необычных дополнительных функций. Твои слова могли услышать и сделать кое-какие, неприятные для нас, выводы.*

– *Знаешь, я почти ничего не понял из того, что ты мне сказал! Или сказала, сказало?* – Паша закатил глаза и провел ладонью по лицу. – *Будешь утверждать, что ты – не плод моего, воспаленного недавним явлением душки Посколитова и всеми остальными злоключениями, воображения? Тогда кто, или что?*

Несколько минут голос внутри Паши молчал. Паша уже начал подумывать, что его галлюцинации, вызванные нервным потрясением, прошли, но это, конечно, было не так.

– *Представь, что я – разум внутри тебя, Паша, – сказал, наконец, голос. – У меня нет имени. По крайней мере, с того момента, как я осознал себя, мысли о собственном именовании меня не посещали. У меня также нет пола, если тебе это интересно.*

– И давно ты... осознал себя?

– Если считать днями, то с того момента прошло вот уже девять дней.

– Девять дней!? Постой, ты что же, молчал все это время? Ты видел, кто подорвал тот вагон? Девять дней! То-то меня так торкнуло в голову на прошлой неделе, когда я на толчке сидел! – зачастил Паша. – Это тогда ты внедрился в меня?

– Про туалет сейчас было очень смешно, Паша, правда. Но это случилось в тот самый момент, когда произошел взрыв. Я проанализировал информацию. Это совершенно очевидно.

– погоди, погоди. Когда я очнулся, Гурвич говорил, что взрыв произошел три дня назад. С тех пор, по моим прикидкам, прошло еще... ну, скажем, два дня. Итого, получается, максимум пять!

– Паша, тебе необходимо меньше слушать Гурвича и подобных ему людей. С момента взрыва прошло девять стандартных земных суток.

– Земных, – повторил Паша. – Так. Что-то я не понимаю, как связан взрыв и твое появление?

– Попробую тебе это объяснить. 8 сентября две тысячи двадцать пятого года, в восемь часов тридцать семь минут утра московского времени через определенную точку в пространственно-временном континууме прошел пучок сверхвысокоэнергетических частиц, названия которым у вас еще нет.

– Данное событие зафиксировали научные станции в Америке, Австралии и здесь, в России. Теперь ваши ученые будут долго с этим разбираться... Нечто, находящееся в точке слияния – в том самом вагоне, вызвало цепную реакцию, сопровождающуюся выбросом большого количества энергии. Это то, что ты называешь взрывом. Но, помимо взрыва, во время контакта произошла некая трансформация. Итогом которой стал я. А точкой в пространстве был ты, Паша. Если точнее, то это был тот осколок метеорита, который ты носил на груди. Я провел ретроспективный анализ данной цепи событий. Ошибки быть не может.

– Дела, – Паша задумчиво потер грудь. – Так ты – какой-то космический пришелец что ли? И теперь ты живешь внутри меня?

– Можешь считать, что так. Могу тебе сказать одно. Вероятность этой совокупности событий была настолько же мала, как и вероятность возникновения жизни на вашей планете. Может, даже и меньше. Но вы здесь. А теперь и я тоже.

– Как же меня не разорвало на части к чертовой матери?

– А тебя почти разорвало. – голос сообщил данный факт как само собой разумеющееся. – Но, видишь ли, Паша, с тобой в этот момент уже был я. А моим маяком или, если хочешь, магнитом стал ты. Мы помогли друг другу в первые мгновения сосуществования и, надеюсь, поможем еще не раз.

– Так. Ты, случаем, не собираешься меня съесть изнутри, типа как Чужой?

– Нет, конечно. Что за чушь!?

– Скажи мне, только честно, я умер или нет? Это все сейчас, – Паша сделал рукой обводящий жест, – Гурвич, рука, эта комната – реально или это – посмертные страдания моей несчастной души в богом забытом чистилище? Не то, чтобы я верю в бога, – добавил он, – вернее, совсем не верю, но все-таки? Уж очень все это похоже на какие-то адские переживания!

– Если рассматривать понятие смерти как полную остановку биологических и физиологических процессов жизнедеятельности организма, ты был на самом краю, Паша. Когда тебя нашли эти люди из Главной службы безопасности Российской Федерации, лишь мозг твой испускал слабые электрические сигналы, поддерживаемый моими усилиями. Затем, когда мне удалось более полно разобраться в человеческой физиологии, я запустил процесс регенерации. Правда, к этому моменту ты находился в не столь приятном, даже по сравнению с этим, месте.

– Вот почему Посколитов про покойника мне что-то втирал?! – догадался Паша. – И что было дальше?

– А дальше они поняли, что ты не совсем покойник, и перебросили тебя вертолетом сначала на одну из своих реанимационных баз, а затем и сюда. Я понял, что грубое вмешательство в процесс твоего восстановления может быть замечено, и ограничился поддерживающим контролем. Надо отдать им должное, дело свое они знают.

– Так что они от меня хотят? – Паша потеревил себя за ухо. – Почему наврали про то, сколько я у них нахожусь?

– Знаешь, Паша, я уже заметил, что лгать – в порядке вещей для вас, людей. А насчет того, чего они хотят... Иван Алексеевич тебе же ясно сказал, что ему от тебя нужно. Могу также допустить, что ты представляешь для спецслужб и чисто медицинский интерес. Да и их специфические навыки ломки людей нуждаются в постоянной практике. Для них это столь же естественно, как дышать.

– Но... если все было так, как ты описываешь, то никаких террористов нет! Никто не подкладывал бомбу, нет никаких улик, остатков взрывного устройства, по которому они могут выйти на след бомбиста. Зачем им добиваться признания от меня?

– Подумай сам. Какое иное объяснение они могут предъявить высокому начальству? Взрыв недалеко от центра Москвы, в утренний час пик, произошел сам собой? Из-за атмосферных колебаний? Нет, Паша. Тут-то им как раз все в строку и ложится. Хороший повод лишний раз ужесточить правила для простых людей и увеличить полномочия для себя. Даже если улики у них нет, сфабриковать их для этих людей не является чем-то неизвестным или не пройденным.

– Слушай, для космического пришельца ты очень хорошо подкован с политической точки зрения, – попытался пошутить Паша.

– У меня хороший учитель. Не забывай, что твой разум теперь является частью моего.

– Обрадовал. Значит, они хотят сделать меня козлом отпущения за этот... инцидент?

– Ты прав. Кому-то из них было бы проще, если бы ты скончался, но теперь они хотят добиться от тебя признания.

– Что же мне делать?

– У тебя есть несколько опций. Первая – пойти у них на поводу и признаться во всем. Далее, как ты можешь догадаться, тебя ждет не слишком приятная участь.

– Ну уж нет!

– Опция вторая – отрицать все до последнего и надеяться, что от тебя отстанут. Но я бы на это не рассчитывал.

– Да уж, такие черти, как Посколитов, не отстанут, – мрачно подумал Паша.

– Третья опция – уйти отсюда.

– Вот с этого момента поподробнее, пожалуйста!

– На самом деле, для меня не составит особого труда вывести тебя из этого места, Паша. Если ты, конечно, захочешь.

– Издеваешься? Конечно, хочу! Вот только смогу ли? – Паша подумал о том, что девять дней не стоял на ногах дольше десяти минут.

– Сможешь, – ответил голос после недолгого молчания, словно прикидывая расклады. – Придется, конечно, постараться, да и потом возникнут некоторые проблемы. Но если идти, то идти прямо сейчас. Я все подготовил.

– Что, прямо-таки все-все?

– Я постепенно снижал влияние коктейля гсбшников на твой организм. Сейчас он на тебя практически не действует, поэтому ты можешь выбраться из капкана. Они этого не ожидают. Гурвич по ночам уезжает отсюда, а Посколитов... У него и кроме тебя много... работы. Остается охрана на КПП, но мы же не собираемся идти через парадный выход?

– *Блин, откуда ты все это знаешь?*

– *Я внедрил в их системы,* – коротко ответил голос.

– *Ладно. Так чего же мы ждем?! Вперед!* – Паша попытался подумать эту фразу максимально бодро, но почему-то не получилось.

– *Для начала, вынь из своей руки шнурку инфузионных систем.*

– *Мм, это шланги эти что ли?*

– *Верно.*

– *А как я их выну, у меня ж руки нет!* – Паша попытался обтереть руку о кровать, как чешется о дерево медведь, и стряхнуть шланги таким способом, но ничего не получилось. Кроме того, это было довольно неприятно по ощущениям.

– *Используй рот, Паша.*

– *О, хорошо.* – Паша поднес сгиб локтя ко рту, зажал зубами шланги и дернул рукой.

– *Аааа, бляха-муха, больно!* – он громко зашипел, не в силах сдержаться от эмоций. Вниз по предплечью тонкой струйкой потекла чернота. – *Я, блин, сейчас кровью истеку! Что мне делать?* – в панике подумал Паша.

– *Секунду. Промокни руку о простыню.*

Паша кое-как выполнил команду и заметил, что кровь больше не течет.

– *Спасибо! Как ты это сделал?*

– *Пусть, не отвлекайся от цели. Вставай и иди к выходу.*

– *Как скажешь, босс.* – Паша поднялся на ноги и осторожными шажками двинулся к двери. – *Как мне выйти отсюда, здесь же, наверняка, по отпечатку пальца?* – Он машинально обернулся к невидимому собеседнику, но за спиной, разумеется, никого не было.

– *Подожди минутку.* – голос не проявлял никаких признаков беспокойства, он был лишен каких бы то ни было эмоций. – *Сейчас ты почувствуешь легкий зуд и жжение в большом пальце. Не пугайся.*

– *А что ты делаешь?*

– *Меняю структуру твоего отпечатка. Автоматика будет думать, что это – палец Ивана Алексеевича Посколитова.*

– *Ух ты, вот это круто! А как ты узнал, какой у него отпечаток?* – Паша часто заморгал. Он еще не мог поверить до конца поверить, что все это происходит с ним в реальности, и совершенно бы не удивился, если бы в ответ на его прикосновение к датчикам сработала бы сигнализация, и в комнату забежали вооруженные до зубов гсбшники из группы захвата.

Кровь могла остановиться и сама, но отпечаток... Это будет доказательством поощитимее. Паша и сам не знал, хотел ли он, чтобы все, сказанное голосом, было правдой. Может, для всех будет лучше, если он окажется сумасшедшим?

– *Он прикасался к тебе. Помнишь, он проводил пальцем тебе по лбу, бил ладонью? В это время я собрал все необходимые биометрические данные с поверхности твоей кожи.*

Паша удивленно открыл рот, но не заметил этого. Поверхность большого пальца вдруг ощутимо нагрелась.

– *Прикладывай.*

Зажмурив от напряжения правый глаз и прикусив губу, Паша осторожно поднес было большой палец к экрану и остановился в нескольких сантиметрах от него.

– *Это точно правду?* – спросил он мысленно.

– *Не проверишь, не узнаешь. Ну же, не тяни!*

Паша, затаив дыхание, коснулся экрана.

Тот осветился зеленым, принимая палец Паши как родной. Раздался едва слышимый щелчок, и дверь открылась, впуслав в комнату тускло-оранжевый свет снаружи.

Паша издал протяжный глухой сип, выпуская воздух из легких, и задышал снова.

– *Что теперь?* – спросил он, не решаясь выглянуть за порог.

– *За дверь повернешь налево, пройдешь до конца коридора, там будет лифт. Вызовешь лифт, нажмешь кнопку «один».*

– *А дальше?*

– *А дальше будет видно.*

– *А если мне кто-то встретится? Я же не боец!*

– *Не сомневайся в нас, просто иди.*

Паша сделал два глубоких вдоха, насыщая легкие кислородом как перед нырком, и, стараясь не думать ни о чем, кроме необходимости добраться до лифта, шагнул в неизвестность.

Выйдя в коридор, Паша невольно застонал сквозь зубы. Он оказался прямо под прицелом камеры, висевшей под потолком.

– *Спокойно. Иди.*

– *Да иду я!* – Он буквально заставлял себя переставлять враз одеревеневшие ноги. Сердце назойливым дятлом стучало в виски.

– *Помоги, у меня сейчас удар случится!* – взмолился Паша про себя.

– *Все в порядке. Работаем.* – Сердцебиение немного унялось, а ноги вновь стали сгибаться в коленях.

– *Ты же не думал, что твой уход останется незамеченным навечно? Просто в данную минуту в комнате видеонаблюдения никого нет. Что, без сомнения, повлечет определенные негативные последствия для некоторых сотрудников данного объекта. Но тебе до этого дела быть не должно.*

– *Предупреждать о таких вещах надо!* – Паша практически дошел до лифта и немного ободрился.

– *Меньше знаешь – крепче спишь!* – парировал голос менторским тоном. – *Но ты прав, на будущее я учту эту особенность твоего организма.*

Паша нажал кнопку вызова и замер, услышав где-то наверху глухой гул работающего механизма. Лифт приехал через долгие тридцать секунд, показавшиеся Паше вечностью.

– *Никого,* – пробормотал он, молнией заскакивая внутрь.

– *А кого ты ожидал?* – спросил голос слегка, как показалось Паше, заинтересовано.

– *Собака,* – ответил Паша. – *Огромных немецких овчарок, натасканных убивать. Впрочем, и так неплохо.* – На лифтовой панели было всего две кнопки. Он нажал на кнопку с цифрой один и удивился, когда понял, что они едут вверх.

– *Меня что, держали все это время в каком-то подвале?* – спросил Паша у голоса.

– *Можно сказать и так. Сейчас поднимемся, и ты пойдешь направо, потом за угол. Затем зайдешь в кабинет номер четыре – он открыт – и вылезешь через окно.*

– *Окей, босс.*

Лифт прибыл на первый этаж, выплюнув Пашу из себя с равнодушием лужающего семечки подростка.

Напротив шахты маячили матовые двухстворчатые двери с надписью «Выход», горевшей приветливым зеленым огоньком. Паша, забыв обо всем, шагнул вперед и уже почти взялся за стальные ручки, но был остановлен безмолвным вопросом: – *Павел Андреевич, вы далеко собрались?*

– *На выход,* – недоуменно ответил он и тут же спохватился. – *Извини, во мне что-то будто пережмуло. Увидел табличку «Выход», ну и того... Как в каком-то тупом фильме. Наверное, сахар упал в организме.*

Он повернул в коридор направо и через несколько шагов завернул за угол, оказавшись перед дверью с висевшей на ней цифрой «четыре». Паша дернул на себя ручку и вошел в оказавшееся действительно не запертым помещение, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Комната оказалась довольно большой, но была заставлена длинными шкафами, со скамейками между ними. Сверху дальней стены, на высоте примерно двух метров от пола было

расположено узкое длинное окно фрамужного типа, через которое угадывались нечеткие силуэты деревьев, подсвечиваемые скудным лунным сиянием. Часть света попадала и внутрь, позволяя Паше разглядеть окружающие его предметы, не прибегая к искусственному освещению.

– Похоже на раздевалку, – сказал сам себе Паша, опускаясь на одну из скамеек. Ноги немного ныли с непривычки.

– Она и есть, – утвердительно ответил ему голос. – Не забывай говорить про себя.

– А что это вообще за место? – спросил Паша, имея ввиду объект в целом.

– Это – один из законсервированных спецобъектов бывшего КГБ СССР, а теперь и ГСБ России. Их довольно много вокруг Москвы. Я вмешался в кое-какие процессы, чтобы тебя перевели именно сюда. Отсюда довольно просто сбежать.

– Так ты все продумал с самого начала! Ну и мощь... – Паша почесал затылок. – Постой, а мы разве не в Москве? Гурвич же сказал...

– Паша, я тебе уже говорил, не верь всему, что рассказывают тебе эти люди. Ты не в Москве. Мы сейчас находимся в лесополосе, примерно в полутора километрах от станции Поведино. Это – юг Московской области.

– Так. А как отсюда добраться до дома? На электричке?

– Паша. Послушай меня сейчас очень внимательно и постарайся принять то, что я тебе скажу. Тебе нельзя домой.

– В смысле? – Паша, все-таки, еще не до конца отошел от девятидневного коматоза и соображал не слишком хорошо.

– Посколитов говорил, что для всех ты – покойник. К сожалению, это так. На работу уже сообщили, что ты погиб при теракте.

– Что? Это – правда? – Паша уронил голову между коленей. У него возникло чувство, будто его сейчас вырвет.

– Да. Как бы то ни было, – продолжал голос, – возвратиться домой сейчас, означает подставить себя под удар. Тебя будут искать. Угадай, где они поставят засаду в первую очередь? ГСБ не допустит, чтобы ты так просто выскользнул из их рук.

– Кое-кто в конторе наверняка воспользуется данной возможностью, чтобы раскачать ситуацию под себя. О твоём побеге, скорее всего, доложат Первому. Ты ведь знаешь, как он щепетилен к любой мелочи, относящейся к этой сфере. Плюс ко всему твоё, не совсем обычное, восстановление... Не думай, что это ускользнуло от внимания того же Гурвича.

Изо рта у Паши потекла густая вязкая слюна, он позеленел от натуги и начал выкашливать из себя пустоту.

– Извини, сейчас будет полегче, – спохватился голос, и рвотные спазмы пошли на убыль.

– Черт тебя дерит, я слишком стар для всего этого дерьма! – просипел Паша когда-то услышанную фразу из голливудского боевика, сплевывая горечь изо рта.

– Пожалуйста, говори про себя, – в очередной раз напомнил его невидимый собеседник.

– По-твоему получается, что мне теперь надо где-то скрываться? Обо мне расскажут Узурпатору? Я не смогу жить нормальной жизнью? Что за дичь? Сколько это будет продолжаться?

– Паша, все уже случилось. Ты можешь либо принять ситуацию как она есть и действовать соответственно, либо сдаться, вернуться назад и лечь обратно в койку, ожидая нового визита господ Посколитова и Гурвича. – голос немного помолчал, а затем продолжил, – Без ложной скромности отмечу лишь, что у тебя есть огромное преимущество перед всеми ныне живущими людьми.

– Ты что ли? – без энтузиазма протянул Паша.

– Я.

– Слушай, ты прям все-все знаешь и можешь? Откуда, скажи? Сколько тебе, девять дней? – Паша посмотрел на свои растопыренные пальцы оставшейся руки. – Блин, теперь я

могу считать только до пяти. Ну или до пятнадцати, если учесть пальцы ног, – добавил он и невесело хмыкнул.

– Скажем так, я не могу предвидеть будущее или изменять прошлое... Но в настоящем мои возможности достаточно велики. Видишь ли, Паша, когда гсбшники подключили тебя к реанимационной аппаратуре, которая содержала их фирменные «закладочки», они дали доступ к ней и мне. А дальше, сам понимаешь, сетевые протоколы, интернет, базы данных...

– Часть меня остается, и навсегда останется, с твоей, хм, физической оболочкой, назовем это так, но другая часть... другая часть теперь... во многих местах. В моем распоряжении вся доступная информация, накопленная человечеством за период своего существования. Если же учесть возможности моего разума, то некоторые подвластные мне вещи вы, люди, посчитали бы магией.

– И как же ты связываешься со всеми своими... частями? Ведь я же не подключен к интернету!

– Представь себе мобильную связь. Это очень похожий принцип. Мне не требуется прямое подключение. Я определенным образом настроил твой организм, и теперь мы можем улавливать нужные коммуникационные сигналы.

– Понял... – ничего не понял Паша. – Слушай, а ты можешь сделать так, чтобы про меня все забыли? – с надеждой спросил он.

– Нет. Тут я не властен, – проговорил голос.

– Ну, конечно, самое главное – и не можешь. Все понятно. В общем, ты как этот, как его... чертов ДЖАРВИС из «Железного человека»!?

– Спорная аналогия, но если тебе так хочется...

– Ладно, ДЖАРВИС, что мне теперь делать? Не сидеть же на этой скамейке, ожидая прихода кавалерии?

– Ты хочешь называть меня ДЖАРВИС?

– А что, тебе не нравится? Ты же мне так и не представился.

– Я подумаю над этим вопросом. А пока могу предложить тебе поискать в шкафчиках подходящую по размеру одежду и готовиться покинуть это место. Мы здесь уже задержались.

Паша кинулся обшаривать раздевалку и довольно быстро нашел высокие армейские ботинки, оказавшиеся размера на два больше нужного, немного длинноватые камуфляжные штаны, темно-зеленую футболку и черный, крупной вязки, свитер с высоким воротом. Кое-как подвернув штанины и облачившись в найденные шмотки, он стал похож на одного из псевдо-афганцев, которые, в былые дни, бывало, стояли в метро, клянча подающие.

– Ну что, куда теперь? – он заткнул пустой рукав свитера за пояс штанов и оглянулся по сторонам.

– Лезь через окно, – скомандовал голос.

Паша, тихонько кряхтя и стараясь не слишком шуметь, подтащил к стене под окно одну из скамеек, забрался на нее, приподнял фрамугу и аккуратно выглянул наружу. Прохладный осенний ветерок приятно обдувал щеки. На небе сквозь не такие уж и редкие тучи проглядывала долька месяца. Паша покрутил головой и выяснил, что спасительный лес находится совсем рядом, буквально в десяти-пятнадцати шагах от окна, за сетчатым забором. По верху забора вились мотки колючей проволоки, поблескивая в скудном лунном свете.

– Слушай, ведь этот объект наверняка патрулируют дроны? – Быстрое развитие военных технологий, в ущерб всему остальному, весьма настораживало Пашу, который не желал мириться с нарастающей агрессией собственной страны. Одно из ответвлений этих технологий – дроны, которые использовали многочисленные спецслужбы и органы правопорядка, оснащались камерами с функцией распознавания лиц потенциальных нарушителей. Они во множестве вились над правительственными объектами, а также собирались в настоящие рои при любом

подозрении на несанкционированное скопление людей. По словам знающих людей, некоторые дроны даже оснащались оружием. – *Как я проскользну мимо них?*

– *Не беспокойся, все дроны были мной перепрограммированы. Сегодня ночью их маршрут пролегает над другими секторами объекта.*

– *А колючка?* – Паша осел обратно на скамейку.

– *Тут мне придется немного поработать уже над тобой,* – ДЖАРВИС (Паша решил пока называть его так, по крайней мере, пока он сам не предложит иное обращение), казалось, не видел большой проблемы в преодолении данного препятствия. – *Но тебе все же стоит захватить с собой пару лишних свитеров или что ты еще сможешь найти в шкафчиках. Торопись, время уже поджимает.*

Паша зайцем метнулся к шкафчикам и набрал оттуда столько вещей, сколько смог утащить одной рукой. Затем он просунул всю эту кучу в окно, а следом сиганул туда сам.

Оказавшись снаружи, Паша опустился на землю и на пару мгновений закрыл глаза. Если бы сейчас какой-нибудь особо бдительный сотрудник обнаружил его здесь, Пашу можно было брать голыми руками. Настолько он вымотался. Впрочем, уже через полминуты Занозин вновь почувствовал прилив сил – ДЖАРВИС не бездействовал – а с ним и уже полузабытое чувство голода.

– *Что-то я проголодался,* - заметил Паша. – *Не отказался бы сейчас от какого-нибудь бургера.*

– *Так и должно быть. Это – реакция на некоторые изменения в твоём организме, которые я провожу, чтобы взбодрить тебя и подготовить к броску через колючую проволоку. К тому же питание извне ты больше не получаешь.*

– *Ох. Надеюсь, это будет не слишком... смертельно для меня?* – Паша опасливо поглядел на узкие полоски металла и с трудом сглотнул. В воображении эти ржавые, но от этого не менее острые, стальные клыки рвали его плоть на обильно кровоточащие части.

– *Не должно. Вперед, к свободе!*

– *А забор не под напряжением?* – Паша никак не мог отогнать мрачные картины, выходящие у него в мозгу.

– *Все будет хорошо, поверь.*

Паша глубоко вздохнул, прокрался к сетке и как мог накидал на колючую проволоку собранную в раздевалке одежду. Этого оказалось чрезвычайно мало для успокоения.

– *Может, я сбегаю еще за какими-нибудь вещами?* – с надеждой спросил Паша.

– *И так сойдет, лезь. Я уже подготовил тебя.*

– *Да? А я что-то ничего не чувствую...*

– *Возьмись за сетку.*

Паша послушно выполнил поручение ДЖАРВИСа. – *Ничего. А что я должен... Постой, я почти не ощущаю поверхность, текстуру проволоки. Руки словно в невидимых перчатках, причем перчатки эти довольно толстые. В этом все дело?*

– *Верно. Я постарался максимально снизить твой порог чувствительности. Это должно помочь.*

– *Ну, хорошо. Тогда я полез?*

– *Поторопись.*

– *Да-да, тороплюсь,* – ворчливо подумал Паша и взялся за дело. Ячейки сетки были достаточно крупными, чтобы туда пролезала нога, и это сильно облегчало задачу, хотя карабканье однорукого человека через забор само по себе было довольно трудозатратным делом. С другой стороны, дело усложняло запрограммированное ДЖАРВИСом онемение единственной оставшейся у Паши руки. Чтобы успеть перехватиться повыше, ему даже приходилось хватать проволоку зубами и благодарить судьбу за то, что ограда не была под напряжением.

Добравшись до завешенного тряпками участка, Паша немного помедлил, чтобы отдышаться, а затем решительно перебросил руку через верх забора и буквально втянул себя следом, ежесекундно ожидая вспышки дикой боли в пропоротом теле.

Ее, однако, не последовало. Паша оглянулся на свое недавнее обиталище и, не заметив ничего подозрительного, кулем упал в пожухлую траву на краю спасительного леса и по-крабьи, бочком, пополз под его укрытие.

– *Паша, остановись на минутку.*

– *А что такое?* – вскинулся Паша. – *Я думал, что нам надо поскорее смыться отсюда.*

– *Да, но мне надо тебя маленько подлатать... Обернись назад.*

Паша поглядел себе за спину и увидел блестящий темный след, тянущийся по примятой траве вслед за ним от самого забора.

– *Едрена вошь, я что, истекаю кровью?* – всполошившись, просипел он, оглядывая себя в поисках раны. Долго искать не пришлось. Распоротая сзади почти от колена штанина правой ноги прилипла к длинной ране.

– *Есть немного. Ты зацепился при прыжке. Но ничего, сейчас я остановлю кровотечение. К счастью, крупные сосуды не задеты. Потеряно не так много крови, чтобы ты отключился, хотя теперь тебе придется сложнее. Я не смогу все время сдерживать твою чувствительность, ресурсы организма уже достаточно сильно исчерпаны. Надо будет потерпеть.*

Паша ощутил нарастающую боль в ноге, словно кто-то плавно поворачивал тумблер от положения «ноль» к пятерке, а затем и дальше, примерно до семи по десятибалльной шкале. Это было еще терпимо. Вместе с болью вернулся и голод. В животе у Паши будто завелся Чужой, который кусал его изнутри, пытаясь вылезти на волю.

– *Слушай, я очень хочу есть!* – проныл Паша. – *Ты ведь в курсе, что у меня гастрит, мне нельзя долго обходиться без еды.*

– *Гастрита у тебя больше нет, поздравляю, но поесть действительно необходимо. Нам нужно добраться до дороги.*

– *А дальше что? Домой, как ты говоришь, мне нельзя...*

– *Дальше доедем до Чехова. Я снял квартиру недалеко от местного вокзала...*

– *Ты? Снял квартиру? В Чехове?*

– *Не забывай, что я частично нахожусь в интернете. Мне удалось позаимствовать немного денег с одного из электронных кошельков для оплаты однушки по Огородной улице. Пересидим там какое-то время, пока тебя будут искать.*

– *Ты украл деньги? У кого?* – от удивления Паша даже на время забыл про боль.

– *Это совершенно неважно. Нам нужно решить определенные задачи, и средства решения не играют при этом никакой роли. К примеру, ты совсем недавно украл вещи, которые сейчас на тебе.*

– *А как же мораль?* – не унимался Паша.

– *Моральность и аморальность – чересчур человеческие, а значит, субъективные понятия. Тебе лучше думать о достижении цели.*

– *Ну, знаешь ли...* – Паша с трудом встал и поковылял в глубь леса, – *так можно далеко зайти. Кстати, в какой стороне дорога? Я же здесь заблужусь.*

– *Я отлично ориентируюсь в этом пространстве. Мы придем точно туда, куда нам нужно.*

– *И что? Где найти машину в этой дыре? Да еще в такое время? А если и найдем у какой-нибудь дачи, то что дальше? Воровать будем? Я, знаешь ли, никогда ничего не воровал. И не собираюсь! Да и без ключа машину мне не завести, если ты, конечно, не пошлешь какой-нибудь электромагнитный импульс или что-то в этом духе...*

– *Все будет, Паша. Главное – добраться до нужного места.*

– Блин, умеешь ты успокоить. Эх, поесть бы... – Занозин звучно и немного виновато отрыгнул, – Ладно, пошли.

Спустя час нелегкой прогулки по ночному лесу, после которой у Паши на теле прибавилось ссадин и царапин, а Чужой уже почти прогрыз себе путь на свободу, он, наконец, выбрался на двухполосную дорогу.

По пути Паше удалось найти несколько ягод уже переспелой лесной малины, которая, хоть и слабо, но помогла приглушить чувство голода. Сквозь густые тучи были видны светлеющие куски неба, скоро должны были показаться первые лучи солнца. Оглядевшись в рассветных сумерках, Паша увидел метрах в ста от себя темный силуэт автомобиля, стоявшего на обочине. Салон тускло светился голубоватым. Видимо, кто-то сидел в телефоне.

– И что теперь? Попросимся погреться? – иронически осведомился Паша у ДЖАРВИСа.

– Тойота Камри, госномер У157КК, – невозмутимо продекламировал тот, не замечая пашиного сарказма. – Все верно. Он ждет тебя.

– Что? – Паша недоверчивым взглядом окинул машину – Ты травмишь что ли?

– Паша, тебе нужно привыкнуть ко мне. Конечно, на это еще потребуется время. Чем скорее ты осознаешь, с чем имеешь дело, тем будет проще для нас обоих.

– Ты хочешь сказать, что заранее все это предусмотрел? Так же, как и съем квартиры? Блин, я чувствую себя марионеткой...

– Паша, я делаю все, чтобы ты выбрался из той передраги, в которую угодил. Не скажу, что по моей вине, так как меня об этом никто не спрашивал. Строго говоря, в момент, когда заварилась вся эта каша, меня еще не существовало... Доверься мне, я помогу.

– А что мне еще остается делать? – горестно вздохнул про себя Паша.

– Ты можешь остаться здесь и дожидаться доблестных сотрудников ГСБ, которые уже совсем скоро возьмут твой след. Вытащить тебя из их лап во второй раз будет уже намного сложнее.

– Они будут охотиться за мной?

– Несомненно.

– Блииин, ну влип... – простонал Паша вслух и поплелся к машине.

Подойдя к автомобилю со стороны водительского сидения, Паша легонько постучал костяшками по стеклу. Дверь тут же открылась, и на асфальт выпрыгнул кряжистый, бритый налысо мужичок в черной кожаной куртке и спортивных штанах. Нос его был свернут набок и немного сплюснут. Гораздо меньше, чем лопухи-уши.

– Привет, братуха! – энергично засипел он, и после секундного замешательства, довольно чувствительно шлепнул Пашу по плечу оставшейся руки. – Тебя как звать?

– Паша, – ответил Паша, немного оторопев от такого напора.

– Зер гуд! А меня – Жорж!

– Милославский? – не сдержался Паша.

– Лучше! Каменев! – гордо ответил мужик.

– Очень приятно, – Паша ждал включения ДЖАРВИСа, но тот молчал.

– Давай, Паштет, залазь! – Жорж махнул в сторону машины. – Погнали!

– Вы знаете, куда ехать? – спросил Паша, осторожно залезая на переднее пассажирское сидение, боясь сильно тревожить травмированную ногу.

– Чехов, Огородная пятнадцать?

Паша молча кивнул, дождавшись мысленного подтверждения ДЖАРВИСа.

– Знаю. Эка у тебя там... – он немного помедлил – ...нога. Медведь подрал? – вроде бы шутливо спросил Жорж, устремив на Пашу жесткий взгляд.

– Извините, не хотел бы об этом говорить, – ответил Паша. – Давайте уже поедем.

– Можно, – сказал Жорж, стартуя так, что Пашу вжало в спинку сидения. – Привычка, – как бы извиняясь, сказал водитель.

– *Этому человеку можно доверять?* – про себя обратился Паша к ДЖАРВИСу.

– *В нашем положении на сто процентов никому доверять нельзя.* – ответил тот. – *Жорж – лучший вариант из имевшихся. Он нам пригодится.*

– *Пригодится? Как это пригодится?*

– *У него много разных талантов. Жорж поможет нам не только как водитель.*

– *Ты все просчитал на сто ходов вперед, да?* – лениво подумал Паша. Он быстро разомлел в натопленной машине после бодрящей ночной прогулки и теперь хотел спать даже больше, чем есть, хотя еще несколько минут назад это казалось ему невозможным.

– *Действительность не всегда совпадает с ожиданиями. Посмотрим,* – туманно ответил ДЖАРВИС.

Дальше ехали в молчании, хотя по внешнему виду Жоржа, на которого время от времени украдкой бросал взгляд Паша, было видно, что водитель не прочь поговорить. Жорж выразительно ерзал на сидении и пару раз открывал было рот, но немного погодя, словно что-то вспоминая, захлопывал его с разочарованной гримасой.

Паша, преодолевая страшную усталость, пытался держать глаза открытыми. Получалось с трудом и через раз. Как в диафильме, перед его взором промелькнуло пустое шоссе, пара деревенских домов, стая то ли чаек, то ли ворон, кружащая над полем убранной кукурузы.

Затем они вроде бы, наконец, въехали в город. Узкие улочки, грязь и ямы на обочинах, немногочисленные пешеходы, редкие машины. Ранним субботним утром Чехов еще только просыпался после вечернего пятничного загула. Тойота остановилась у обшарпанного четырехэтажного дома непонятной окраски.

– Ну вот, приехали, – чуть обиженно, как показалось Паше, проскрипел Жорж. – Огородная, дом пятнадцать.

– *У меня же нет денег, как я с ним рассчитаюсь?* – волнуясь, мысленно спросил Паша ДЖАРВИСа.

– *Ему уже заплачено. С чаевыми,* – ответил тот.

– *Хорошо,* – у Паши уже не оставалось сил ни удивляться в очередной раз предусмотрительности своего «сожителя», ни уточнять способ оплаты.

– Спасибо вам, Жорж. – сказал Паша и открыл дверь автомобиля, собираясь выйти на тротуар.

– Бывай, Паштет! – Жорж сжал кулак в виде знака «рот-фронт» и устремил на него свои глазки-буравчики.

– До свидания, Жорж. – ответил Паша и захлопнул за собой дверь.

Машина с визгом рванула с места и вскоре исчезла за изгибом улицы.

Оставшись в одиночестве, Паша устало вздохнул и быстрым шагом направился к единственному подъезду дома номер пятнадцать, боясь, как бы кто не заметил состояния его одежды да и, в целом, самого факта его прибытия. Отворив скрипящую подъездную дверь, Паша зашел внутрь и сразу же облокотился спиной на стену, переводя дух.

– *Куда теперь? Какая квартира?* – спросил он своего незримого собеседника.

– *Третий этаж, квартира номер девять.*

– *А ключ?*

– *Под половичком.*

– *Ну, конечно, что это я?* – Паша пожал плечами.

– *Квартира двухкомнатная, но одна комната заперта. Тебе хватит той, что осталась открытой. Еще есть санузел и кухня.*

– *Изумительно. Что еще нужно для жизни? Едальня, умывальня и сральня, забодай меня комар.*

Паша взобрался на третий этаж и отпер найденным под ковриком ключом оббитую черным дерматином дверь.

Закрыв за собой, он первым делом нашел кухню и начал неловко, но споро шарить по полкам в поисках съестного. Вскоре на столе лежали найденные трофеи: начатая плитка темного шоколада, засохшие полбатона белого хлеба, пакет молока из холодильника и пачка макарон.

– Начало не ахти себе, но спасибо и на этом, – пробормотал Паша себе под нос, резво уничтожая шоколад.

– *Надеюсь, ты не ждал, что тебя здесь будет ждать пиришествво?* – в голосе ДЖАРВИСа Паше почудились нотки сарказма.

– *Да уж, не до жиру,* – Паша непродолжительное время раздумывал над идеей выпить молоко прямо из пакета, но потом решил найти в буфете чашку.

– Молоко с белым хлебом. Как в детстве! – сказал он. – Правда, тогда молоко было из-под коровы, да и хлеб был свежий, мягенький... – горестный вздох Паши отразился от оконного стекла.

– *Что дальше?* – спросил он, пытаясь прожевать сухую корку. – *Меня наверняка уже ищут.*

– *Какое-то время поживешь здесь. Тебе нужно прийти в себя, восстановиться. Потом что-нибудь придумаем.*

– *Да ладно тебе, ты уже наверняка все придумал! А от меня утаиваешь,* – укоризненно сказал Паша.

– *Кое-что придумал,* – не стал отрицать ДЖАРВИС, – *но не хочу сейчас забивать тебе мозги. Осмотрись здесь, отдохни. В комнате есть тахта. Тебе нужно поспать.*

– *Да уж, Капитан Очевидность, ты чертовски прав!* – Паша посмотрел в окно на окружающий его сейчас пейзаж, и на него, волна за волной, стало накатывать отчаяние.

– *Как мне выбраться из этого дерьма? Что я буду есть? Что делать дальше? Что со мной будет? От меня же теперь не отстанут эти черти из ГСБ!*

– *Тише, тише, Паша. Успокойся.* – через секунду на Пашу словно накинули большое теплое одеяло, все его чувства притупились, оставив на переднем плане лишь чудовищную усталость. – *Я обещаю, что у тебя все будет хорошо. Ты выберешься. МЫ выберемся из этой передраги вместе. Я решу вопрос с едой и всем остальным. Передохни немного.*

У Паши перед глазами поплыли черные круги. Единственное, что он смог сделать – это добраться до кровати и рухнуть на нее без сил, стянув с себя грязные шмотки. Его тут же засосала в себя черная дыра, в которой не было ни мыслей, ни реальности, ни бытия.

В приемной у Первого было очень тесно. Нет, само по себе помещение было довольно большим, около пятидесяти квадратов. Но Гурвичу казалось, что стены давят на него с четырех сторон, а потолок так низок, что, того и гляди, придавит затылок тысячетонным прессом. Гурвич был удивлен даже не самим фактом вызова на ковер к государю, а тем, что этот вызов состоялся столь скоро. Пропажа пациента обнаружилась лишь около пяти часов назад, и вот он, совершив вояж в кабине военного вертолета, сидит в ожидании... чего? Гурвич не хотел об этом задумываться. Да и секретарь Первого, сидевший за огромным столом из какой-то особо ценной породы дерева, заставленным добрым десятком телефонов, своим видом наводил на Николая Васильевича непонятную тревогу.

Гурвич знал, что все сотрудники ближнего круга Первого набирались из ветеранов различных спецопераций, проходящих не только в России, но и за ее пределами. Об операциях Гурвич, сам бывалый служака, знал от заслуживающих доверия источников, но даже упоминание этих событий вызывало в нем стойкую неприязнь. Все-таки, это были очень специфические дела.

Но, в случае с секретарем, дело было в ином. Каждый раз, когда тот бросал быстрый взгляд на Гурвича и встречал глаза недавнего пашиного знакомца, по телу Николая Васильевича пробегала волна мелкой дрожи. Он вспоминал, как в один из немногочисленных отпусков поехал в Мексику (запрет на выезд за границу сотрудников его уровня не касался) и решился там на погружение с белыми акулами.

Целый день они плыли на судне к месту погружения, которое находилось близ острова Гваделупе. На следующее утро, в семь тридцать по местному времени Гурвич с дайв-инструктором погрузились в клетке примерно на десять метров в толщу вод Тихого океана. Оказавшись на глубине, Николай Васильевич испытал, такое редкое для себя, ощущение спокойствия и умиротворения.

А потом пришли они. Их мертвые немигающие глаза, казалось, притягивали к себе. Сущность Гурвича словно растворилась под натиском холодно-отстраненного, но такого яростного желания уничтожить все живое. Ему говорили потом, что инструктору пришлось буквально отрывать своего незадачливого протеже от прутьев клетки. Дескать, Николай Васильевич поехал кукушкой и всеми силами пытался выбраться из ограничивающего его железного куба.

Парень даже вынужден был бороться с Гурвичем, чтобы сдерживать его. К счастью для Гурвича, его инструктор был намного более привычен к подводной среде, чем сам Николай Васильевич, а потому все-таки смог с ним справиться и подать аварийный сигнал на всплытие. Гурвич не любил вспоминать о том случае, но, глядя в мертвые глаза на довольно молодом лице секретаря Первого, не мог не сравнить их с глазами самых совершенных хищников океанских просторов.

Звенящую тишину разорвала длинная и тревожная трель. На красном телефоне, стоящем посередине секретарского стола, замигала лампочка. По левому виску Гурвича медленно ползла крупная капля пота, но он этого не замечал. Его сознание мгновенно заполнил мигающий светлячок.

Секретарь взял трубку и заговорил с невидимым собеседником.

– Семенов слушает, – он перевел взгляд на Гурвича. – Да, он здесь. Пригласить? Хорошо.

– Николай Васильевич, проходите, – обратился он к Гурвичу, аккуратно кладя трубку телефона, словно это была величайшая драгоценность.

Гурвич встал и, сопровождаемый пристальным взглядом секретаря, направился к массивной двери, ведущий в кабинет Первого. Ноги почему-то слушались его не очень хорошо. С каждым шагом идти становилось все труднее, словно он преодолевал густеющий на глазах воздух. Дойдя, наконец, до двери, Гурвич хваткой утопающего вцепился в нее и постоял так секунд пятнадцать. Затем глубоко вдохнул, потянул створку на себя и вошел в кабинет.

Первое, что бросилось в глаза Гурвичу, – две огромные картины в золоченых рамах, висевшие на обшитых деревянными панелями боковых стенах. С полотен на Гурвича взирали Феликс Дзержинский и Наполеон Бонапарт. Если с Дзержинским Гурвичу было все более менее понятно, то присутствие здесь портрета французского правителя стало для него неожиданностью.

– Удивляетесь, почему в кабинете русского правителя висит портрет одного из главных врагов нашего народа? – раздался негромкий, вкрадчивый, но вместе с тем исполненный силы голос.

У Гурвича в голове промелькнула крамольная мысль о том, что он мог бы уточнить, кто из этих двоих на портретах имелся ввиду, но он, конечно же, не стал этого делать вслух. Такой вопрос мог повлечь за собой катастрофические для него, Гурвича, последствия. Он перевел взгляд к дальней стене комнаты и увидел там скромный столик, за которым сидел немолодой сухощавый мужчина. Гурвич поспешно склонил голову в почтительном приветствии.

– Это – напоминание, – не дожидаясь ответа, продолжил Первый. – Подумайте об этом. А при следующей встрече, если нам, конечно, еще доведется с вами встретиться, вы мне расскажете, что надумали.

– Проходите, – государь сделал приглашающий жест ладонью, указывая на небольшой обшарпанный табурет с тремя ножками, который стоял у его стола.

Табурет выглядел настолько неестественно и дико в этом кабинете, что казалось, будто его буквально пять минут назад принесли сюда специально для Гурвича из... Николай Васильевич непроизвольно поежился и отказался додумывать, откуда сюда принесли этот табурет.

Гурвич осторожно присел на краешек табурета и замер, глядя на полированную поверхность столика. В одном его углу стоял красный телефон – точная копия секретарского. В другом углу боком, так, чтобы можно было видеть с двух сторон стола, располагался огромный монитор. По его экрану разливалась непроглядная чернота. В центре же лежала пухлая белая папочка для документов.

Повисло тягостное молчание. Умом Гурвич понимал, что и табурет этот, и маленький размер стола Первого, из-за чего посетитель вынужден был сидеть с ним буквально лицом к лицу, все это – элементы психологического давления. К сожалению, от понимания этого факта лучше не становилось.

– Вы знаете, что про меня говорит этот интернет-идиот? – спросил Гурвича Первый.

Тот от неожиданности не нашелся, что ответить, промямлив нечто нечленораздельное. Гурвич ожидал, что Первый начнет разговор с главного, и уже вспоминал первые фразы своей защитной речи, но этот вопрос окончательно выбил его из колеи.

– Нет, не знаю... Хозяин, – подал он наконец голос. К его небывалому изумлению, голос почти не дрожал, лишь чуть запнувшись при обращении к Первому.

– *Ну а в самом деле. Как мне его еще называть?* – думал про себя Гурвич. За глаза все граждане России называли президента Первым. – *Все лояльные граждане,* – мысленно поправился Гурвич. Они понимали, что западное слово «президент» уже не вмещало в себя весь тот функционал, все особенности их лидера. Слово «Царь» было более подходящим в данном случае, но его все еще стеснялись вводить в повседневный оборот. Хотя, Гурвич об этом знал совершенно определенно, на этот счет уже проводились тайные исследования.

По всему выходило, что истекающий совсем скоро президентский срок должен был стать последним для главнейшего человека России. Далее его ожидала коронация, и народ всячески к этому готовили, где-то исподволь, а где-то уже и не особенно скрываясь. Назвать Первого по имени означало признать его в чем-то равным себе, чего Гурвич не мог сделать при всем желании.

Первый внимательно, не моргая, смотрел на Гурвича. В его глазах Николай Васильевич видел вековую мудрость и понимание. Во взгляде Первого чувствовалась способность просветить самые потаенные уголки человеческой души.

И тем не менее, Гурвич повторил более твердо и уже без запинки, будто только сейчас принял для себя важное решение, – Не знаю, Хозяин.

Хотя он знал. Он, как и многие, слишком многие, по мнению Гурвича, граждане, смотрел интернет-трансляции, которые вел этот проклятый оппозиционер. Николай Васильевич делал это для того, чтобы быть в курсе вражеской деятельности, чтобы давать аргументированный отпор сомневающимся в избранности Первого гражданам.

Во всяком случае, так он объяснял причины просмотра этих гнусных передач себе. То же самое он сказал бы и любому. Для этой цели он использовал специальный анонимайзер с дополнительными примочками, разработанными в недрах ГСБ для агентов разведки. Стопроцентной защиты от перехвата не обеспечивало и это программное обеспечение, но, по крайней мере, оно давало хоть какие-то гарантии.

Этот проходимец, Некто, как его именовали органы госпропаганды, избегая называть по имени, чтобы, по словам какой-то «шишки», «лишний раз не пиарить», развил пугающе кипучую деятельность по очернению Первого, его внутренней и внешней политики, а также всего его окружения. Гурвич, и не только он, удивлялся, что Некто до сих пор на свободе. По логике вещей, Некто давно должен был греть нары, как это происходило со многими неугодными режиму людьми до него или замолчать навсегда, что тоже случалось. Однако, он оставался на свободе и организовал в интернете целую кампанию очернения госчиновников.

Некоторые видели в этом знак того, что Некто был под колпаком и защитой у западных соперников России, а страна еще не накопила достаточной силы, чтобы насовсем порвать любые контакты с внешним, несомненно, враждебным, миром. Другие полагали, что оппозиционер чем-то выгоден самому Первому, как бы парадоксально это ни звучало. Гурвич склонялся к первому варианту, но не исключал ничего.

– Я же вижу, что вы мне врите, Гурвич, – с укоризной в голосе произнес Первый. – Ну, да ладно, этот человечек еще получит свое.

– Расскажите мне про инцидент. – он постучал коротко стриженным ногтем указательного пальца по папке и начал развязывать тесемки, скреплявшие ее. Внутри папки оказалась целая кипа документов. Пока Первый перебирал бумаги, Гурвич заметил среди них медицинские отчеты с рентгеновскими снимками, какие-то аналитические записки, доклады очевидцев взрыва – словом, все, что относилось к делу Павла Занозина.

– Хозяин, к сожалению, мы упустили Занозина...

– Я в курсе, Гурвич! – раздраженно перебил его Первый. – Давайте по сути!

– Вы же знаете, Хозяин, – зачастил Гурвич, – с самого начала этот инцидент выглядел несколько странновато! Нетипичный профиль преступления, отсутствие следов взрывного устройства, не подтвержден исполнитель. Хотя некоторые эксперты следственной группы указывают на мальчишку, я в это не слишком верю.

– Слишком быстрое восстановление Занозина, несоразмерное полученным им травмам. Вот что меня действительно волнует! Спасибо вам, Хозяин, за распоряжение о моем прикомандировании к этому инциденту...

– Гурвич, вы же – один из наших наиболее талантливых специалистов по регенерации, – раздраженно сказал Первый, – логично, что, получив озадачившие всех данные об этом Занозине, было принято решение ввести в группу расследователей и вас.

– Да-да, Хозяин, извините.

– Так вы поняли, в чем там дело? – Первый наклонился над столом, приблизившись к Гурвичу чуть ли не вплотную и уперев в него взгляд, в котором просматривалась какая-то... алчность что ли.

– Ну, конечно, – мысленно хлопнул себя по лбу Гурвич, глядя на продолговатое лицо своего повелителя, которое, несмотря на современную, доступную единицам, терапию, не могло полностью скрыть тяжелую печать прожитых лет, – *в этом-то все и дело! Как я раньше не догадался о причинах столь пристального внимания Первого к парню! Регенерация, омоложение! Первый, конечно, выглядит очень неплохо для своих шестидесяти шести, но наверняка хотел бы оставаться дееспособным еще долгие годы. А я-то думал, что дело исключительно в желании раскрыть террористическую ячейку!*

– Вы знаете, Хозяин, я... мы, честно говоря, не до конца еще во всем разобрались... – Первый с едва слышимым вздохом откинулся назад, – но мы уже близки, поверьте! – умоляюще закончил Гурвич. – В анализах его крови прослеживаются некие аномальные сигнатуры, над расшифровкой которых прямо сейчас бьются лучшие научные умы. К сожалению, мы немного подкорректировали их своими препаратами, и сейчас перед нами стоит задача вычленив и разделить его, так сказать, природные особенности и привнесенные нами компоненты...

– Гурвич! Не уходите в дебри! – строго сказал Первый. – Вы сможете закончить свои исследования без Занозина? Отвечайте прямо!

– Если честно, не уверен, ваше... Хозяин, – сбился Гурвич. – Но мы его, несомненно, найдем! Товарищ Посколитов уже проверяет все возможные пути бегства Занозина! Ему наверняка помогли...

– С Посколитовым я разберусь, Гурвич, – мрачно сказал Первый. – Этот мерзавец по полной программе ответит за свой промах. Так же, как и вахтенные солдаты. Скажите спасибо, что не вы отвечали за охрану объекта.

– Спасибо, – промямлил Гурвич.

– Николай Васильевич, я хочу, чтобы, когда Занозин будет пойман, вы выжали из него все соки, до последней гребаной капли! – Первый помолчал и продолжил, – Или мы выжмем все соки из вас. И не только из вас. Это понятно?

У Гурвича резко пересохло в горле, поэтому он смог только кивнуть головой, не отрывая взгляда от глаз Первого, словно кролик перед удавом.

– Ступайте, – Первый захлопнул папку и махнул рукой, давая понять, что аудиенция закончена.

– Да, и позовите сюда Славу из приемной, – словно спохватившись, окликнул он Гурвича, который одолел уже полпути к выходу из кабинета.

Гурвич еще раз судорожно кивнул и длинным прыжком покрыл оставшееся до двери расстояние.

– Вас вызывают! – почти крикнул он сидевшему за столом секретарю и поспешил выйти на воздух. Гурвича жестоко тошнило, и он боялся, что не успеет выбраться из здания.

Семенов, чеканя шаг, вошел к президенту и подошел к его столу. Садиться Первый не предлагал.

– Что скажете, Слава? – спросил Первый, кивая на закрывшуюся дверь.

– Господин президент, не думаю, что этот человек справится со своей работой, какой бы она ни была. Если хотите знать мое мнение, – я бы его закончил.

– Закончим, когда придет время, Слава. – Первый машинально погладил лежащую на столе папку. – Мы многих закончим. Что вы скажете о побеге? Насколько я вижу, в этом деле много нестыковок и совпадений... Нестыковки насчет версии с терактом и совпадения касательно обстоятельств побега. Отсутствие вахтенных, работа камер, сбитые маршруты дронов... Ему явно кто-то помогал. Но кто?

– Интересное дело, господин президент! Интересное и запутанное. Ваши наблюдения, несомненно, верны. Ручаюсь, мы сделаем все возможное, чтобы найти и покарать фигуранта, а также виновных в его побеге!

– Я хочу, чтобы вы возглавили операцию по поиску и поимке этого Занозина. Найдите его. Если нужно, разыщите родителей этого ублюдка, используйте их как приманку или как вы там еще захотите, но найдите мне его! – Первый так сильно сжал правую руку в кулак, что по нему прокатилась едва заметная судорога, а костяшки побелели. – И наблюдайте за Гурвичем. Я хочу, чтобы ты был в курсе каждого его шага.

– Слушаюсь, господин президент! – рявкнул Семенов. – Разрешите идти?

– Идите.

Семенов строевым шагом вышел из кабинета, а Первый встал из-за стола, подошел к портрету Дзержинского и на несколько минут замер, задумчиво разглядывая Железного Феликса.

Монитор за его спиной мигнул.

Паша медленно приходил в себя. Ощущения его были похожи на состояние больного после проведенной под наркозом операции. Какое-то время назад он стал слышать журчание

воды в батарее, невнятное бормотание телевизора за стенкой, гул проезжающих мимо машин. Сквозь блокаду сна начало пробиваться отчетливое желание почесать свою культю, с каждой секундой становясь все настойчивее. Собравшись с силами, он медленно приоткрыл глаза, боясь оказаться в палате центра ГСБ в компании с лучезарным Посколитовым. К счастью, он был не в палате. К сожалению, это место не было и его домом.

Осторожно приподнявшись и спустив ноги с тахты, Паша нащупал бугорок в районе правого плеча и остервенело заработал пальцами. Комнату окутывал полумрак раннего осеннего вечера. Она была заставлена старыми, советских еще времен, шкафами со стеклянными стенками, за которыми на Пашу глядели маленькие фигурки зверей из гжели. Их было около сотни, не меньше. В углу на журнальном столике стоял большой кинескопный японский телевизор.

– Сколько сейчас времени? – просипел Паша. Горло явно не мешало промочить чем-нибудь горячим. Может быть даже горячительным.

– *Восемнадцать двадцать три* – сообщил ДЖАРВИС. – *Как ты себя чувствуешь?*

– Как кусок говна, – проворчал Паша. – Мог бы и не спрашивать. Сам не понимаешь, что ли?

– *Я сделал это из вежливости*, – прозвучал в пашином мозгу чопорный ответ. – *Я тут хочу кое с чем поэкспериментировать, а ты бы пошел, отварил себе тех макарон. Да и вообще, тебе надо больше есть. Я позабочусь.*

– Не сомневаюсь в этом, – Паша, не переставая, чесал свою бывшую правую руку. – Можно я сначала схожу в туалет?

– *Конечно. Он находится слева по коридору. И Паша. Говори со мной мысленно, даже наедине. Кто знает, чем может обернуться твоя неосторожность?*

– Как скажешь, босс. – вслух сказал Паша, кряхтя встал и направился в уборную.

Выдавлив из себя пару капель бурой жидкости, он кое-как помыл руку в раковине совмещенного с ванной комнатой санузла. Коротенькую лоханку ванны подпирала древняя стиральная машинка, «Малютка» или что-то ей подобное. Паша напялил на себя висевший на обратной стороне двери женский розовый халатик. Вид в зеркале был смешной и жалкий одновременно.

Не решив до конца, какой из этих эмоций поддаться, Паша вышел из ванной, для порядка подергал ручку двери запертой комнаты в конце коридора, чтобышний раз удостовериться в правоте ДЖАРВИСа, и поспешил на кухню. Голод уже давал о себе знать, робко покусывая его нутро.

Паша едва дождался, когда сварятся макароны и тут же набросился на них, заглатывая обжигающе горячие завитки, словно кидая уголь в топку. Немало макарон просыпалось на стол из-за непривычки есть левой рукой, но Паша, словно пылесос, тут же всасывал беглянок ртом, наклоняясь к столу.

Через минуту с пачкой макарон было покончено, но пашин голод только усилился. Усилился и зуд в культе.

Паша стянул халат с увечного плеча и увидел, что обрубок руки немного надулся, так что кожа на нем заблестела, и пошел какими-то красными пятнами.

– *Але, ДЖАРВИС! Со мной все в порядке?* – взволновано спросил он про себя, стараясь чесать как можно аккуратнее. – *Кажется, я подхватил какую-то заразу! Или это аллергия на что-то?*

– *Все нормально, Паша. Не паникуй.*

– *Она чешется... Черт!* – кожа на кончике обрубка будто бы треснула и стала немного влажной.

– *Постарайся поменьше чесать. Я помогу.* – Зуд немного уменьшился, но совсем не прошел.

– *Легко тебе говорить!* – Паша невероятным усилием воли отвел левую руку от остатков правой. – *Эта хрень надолго? Что вообще происходит? Мне надо на что-нибудь отвлечься! Есть хочу!*

– *Потерпи, пройдет.* – ДЖАРВИС помедлил немного и продолжил, – *Еду сейчас привезут. Я заказал доставку.*

– *Пиццу что ли? Или роллы?*

– *Не угадал. Потерпи.*

– *Ну да, ну да. Хочешь сказать, что в Чехове есть какой-нибудь типа Утконос?*

– *Конечно, есть. Это же тебе не какая-нибудь Красная Ушина.*

– *А что это?* – Паша недоуменно заморгал.

– *Поселок во Владимирской области.*

– *Понятно. Так что, Утконос приедет?*

– *Лучше. Подожди, уже скоро. Кстати, пока можешь собрать те шмотки, в которых ты бежал из заточения, в один из мусорных пакетов, что лежали в шкафчике на кухне.*

– *Слушаюсь, сэр!* – Паша приставил левую руку козырьком ко лбу, шутливо отдавая ДЖАРВИСу честь, и поплелся за вещами.

Не успел он опуститься на тахту после выполненной работы, как по квартире разнеслась какая-то гнусавая трель.

– *Иди, открой дверь.*

– *Быстро. А вдруг это ГСБшники?* – пашино сердце вдруг попыталось выскочить через горло, но не пролезло в такое узкое отверстие и вернулось на свое исконное место.

– *Не думаю. В любом случае, в двери есть глазок. Посмотри, кто там.*

– *Блин! Если я подойду к двери, они поймут, что я здесь, и взломают ее!*

Раздался еще один звонок, более протяжный.

– *Паша, не придумывай. Посмотри в глазок. Увидишь там человека с пакетами – открой ему дверь.*

– *Ну хорошо, хорошо...* – Паша заставил себя встать и крадучись пошел к двери.

Осторожно заглянув в глазок, он увидел за дверью знакомую физиономию и обмяк.

– *Заходите, Жорж,* – проворчал он, отпирая замок и отступая назад, освобождая проход своему недавнему водителю.

– *Привет, Паштет! Потрясающе выглядишь!* – каркнул Жорж с трудом протискиваясь мимо Паши, который стоял, нервно теребя рукой поясок халата. В руках он нес пять или шесть больших пакетов, доверху наполненных различными продуктами. За спиной Жоржа висел объемистый туристический рюкзак. – *Куда все это?*

– *Заносите на кухню. Вон туда. Спасибо.* – Паша топтался в полутемном коридоре, не зная, что делать дальше. – *Это не мой халат!* – вызывающе воскликнул он для очистки совести.

– *А мне все равно.* – Жорж поставил пакеты на пол, сбросил с плеч рюкзак и, как ни в чем не бывало, направился к выходу.

– *Я... это...*

– *Если еще что потребуется, ты знаешь, как меня найти.* – водитель хлопнул Пашу по здоровому плечу. Не так сильно, как в прошлый раз, но Паше все равно пришлось опереться на стену, чтобы не свалиться от этого тычка.

– *Да... да, знаю,* – промямлил Паша, хотя, конечно, ни черта он не знал и очень хотел это выяснить у ДЖАРВИСа.

– *Отдай ему пакет с вещами, которые ты собрал!* – приказал голос в голове у Паши.

– *Зачем?* – удивился Паша.

– *Он уничтожит улики.*

– *Правда? Ну ладно,* – с сомнением подумал Паша и воскликнул, – *Секундочку, Жорж! Я сейчас.*

Он сбегал в комнату и вернулся, неся в руке мусорный пакет.

– Вот. Возьмите его и... – он запнулся. – Сожгите, если можно.

– Будет сделано! – не моргнув глазом ответил Жорж, будто был привычен к такого рода просьбам. Он взял пакет и развернулся к двери.

– Покеда, Паштет! – Жорж вышел на лестничную площадку и захлопнул за собой дверь.

Паша наскоро запер ее и поспешил на кухню, разбирать продукты. Голод усиливался с каждой минутой.

– Ты нашел мне персонального помощника? – поинтересовался Паша у ДЖАРВИСа, доставая из пакетов различную снедь.

– По моим расчетам, Жорж сойдет для этой роли... пока мы не найдем кого-то получше, – ответил тот.

– И как ты с ним связываешься?

– Через интернет, конечно. Есть один сайт, где можно заказать ту или иную услугу у надежных людей, не привлекая к себе излишнего внимания, скажем так.

– Это дорого стоит? У меня же нет денег, не забывай! – напомнил ДЖАРВИСу Паша.

– Не хотелось бы попасть в кабалу к этим... надежным людям.

– Паша. Если ты захочешь, то с моей помощью сможешь стать миллионером! Или даже миллиардером.

– Миллиардером? – глаза у Паши загорелись мечтательным огоньком. – Это было бы круто...

– Не переживай о деньгах. Твое здоровье, вот что сейчас главное. Давай, распаковывай еду и приступай к трапезе.

– Тут продуктов недели на две хватит! – подумал Паша, обозревая разложенные по полу пакеты. – А в рюкзаке что?

– Я попросил Жоржа купить тебе новую одежду. Не в халате же тебе разгуливать.

– Блин, точно! – Паша хлопнул себя по лбу. – Про шмотки-то я совсем забыл! Там что-то модное? – он потянулся было к рюкзаку, но голос ДЖАРВИСа остановил его.

– Постой. Тебе не зачем так спешить с вещами. Поешь.

– Ладно, начальник. – Паша снова переключился на пакеты.

Через десять минут упорных трудов на полу были разложены овощи, бананы, несколько больших гроздей винограда, шоколад, банки со сгущенным молоком, семь пакетов с макаронами, две коробки яиц, огромная вязанка сосисок, пельмени, три мягких батона белого хлеба, филе бедер кур и индейки, и несколько кусков замороженного мяса, килограмм на десять, не меньше.

– Хорошо, что я умею готовить, – Паша поморщился, – вот только что делать с этим мясом? Вряд ли я управлюсь с ним одной левой... Его ж резать с ума сойдешь!

– Что-нибудь придумаем, – ответил ДЖАРВИС. – Ты пока сделай что-нибудь простое.

– Хорошо. Начнем, пожалуйста, с яичницы... – Паша пошуровал в ящиках кухни и достал из их недр немаленьких размеров сковороду. – Штук девять яиц сюда должно влезть, – примерился он. – А сверху добавлю сосисок!

– Отлично, займись. А я пока проверю статус твоих поисков, если ты не возражаешь.

– Конечно, нет! Действуй.

Паша включил конфорку. В голове крутились назойливые мысли о богатой и беззаботной жизни. Паша старался отогнать их, одновременно разбивая яйца о край сковороды.

– Эх, сейчас бы взял себе пару вилл где-нибудь в Новой Зеландии и на Мадейре, устраивал бы там вечеринки. Тачки, девчонки... Да и матери квартиру бы в Москве купил, чего уж там...

– Паша, опомнись! – перебил его ДЖАРВИС, – у тебя сейчас яйца сгорают!

– Яйца? О! – Паша действительно чуть не спалил яичницу. – Ёшкин кот, я про сосиски-то и забыл!

– *Ничего, пожаришь после. Ешь пока то, что уже готово.*

– *Это мы запросто!* – Паша перенес сковороду на кухонный стол, поставив ее на подставку для чайника, и, не теряя более ни минуты, заработал вилкой.

– *Горяченькая! Вкусная!* – с причмокиванием восклицал Паша, запихивая в рот жареные яйца. Затем он подчистил разлившийся желток свежей горбушкой хлеба. – *Ммм... класс!*

Голод если и утих, то совсем ненамного.

– *Так что там со слезкой?* – опасливо спросил он у ДЖАРВИСа, пытаясь скovyрнуть пленку с молочных сосисок. Паша решил отварить их в глубокой суповой кастрюле.

– *Пока все без неожиданностей. Они довольно грамотно очертили пятидесятикилометровый периметр, внутри которого тебя будут искать. Въезды и выезды контролируются, внутрь периметра стягиваются агенты, поднимаются информаторы, ведется фото и видеосъемка с нескольких сотен дронов. В окрестных лесах под видом учений идут поисковые операции.*

– *Эээ... Они же меня не найдут?* – Паша не на шутку струхнул, услышав доклад ДЖАРВИСа. Он представил сырую камеру, освещаемую лишь тусклой лампочкой Ильича, и множество устрашающих приборов, подсоединенных прямо к его мозгу. Вокруг его койки толпились мрачные мужчины с непроницаемыми лицами, желающие разобрать его на молекулы, чтобы добраться до поселившегося в нем ДЖАРВИСа.

– *Тебя не найдут. Ты с недельку пересидишь в этой квартире. Потом можно будет потихоньку выходить. Погуляешь вокруг, наберешься сил. А после этого пойдём на прорыв. К тому времени внимание к твоей персоне в этой локации ослабнет. Они будут думать, что, возможно, тебе удалось ускользнуть, и расширят границы первичного периметра. Конечно, это не будет означать для тебя легкой жизни, но, учитывая мои возможности, тебе ни к чему переживать слишком сильно.*

– *Легко тебе говорить...*

Паша начистил двенадцать сосисок, и бросил в кипящую воду. Немного подумав и прислушавшись к своим ощущениям, он добавил туда еще полпачки пельменей.

Через пятнадцать минут с сосисками и пельменями было покончено.

– *Блин, у меня такое ощущение, будто внутри желудка находится какой-то провал, где без следа исчезает все, что я ем! А есть все так же хочется.* – Паша с нескрываемым сожалением облизывал пустую вилку, шаря глазами по сторонам в поисках подходящего лакомства. Зацепившись взглядом за шоколадки, он мигом схватил себе сразу три плитки и приступил к их поглощению.

– *Это нормально, ты же полноценно не питался больше недели.* – успокоил его ДЖАРВИС. – *Доедай шоколад и иди пости немного, во сне твой организм восстановится быстрее.*

– Да уж, время-то, небось, уже не детское... – Паша вдруг осознал, что опять страшно устал. Веки его налились пудовой тяжестью, он зевнул, сначала робко, а потом основательно, до хруста в челюсти. За окном уже давно царил темнота, освещаемая редкими тусклыми фонарями.

Встав с табурета, Паша проследовал в комнату. Там он взял пульт от телевизора и устроился на тахте, завернувшись в тонкое клетчатое шерстяное одеяло.

– Посмотрим, что тут у нас, – пробормотал он себе под нос, включая телек. – Под бубнеж и спится слаще.

По первой программе шумная банда лицемеров разыгрывала очередной спектакль. Ведущий верещал про «загнивание», скорый крах «англо-саксонского» образа жизни и системы ценностей, а шайка прикормленных «экспертов» радостно ему подтягивала. Вторая кнопка передавала слезливое шоу о воссоединении потерявшихся тридцать лет назад братьев. Как они потерялись, и что мешало им воссоединиться раньше, Паша не понял. Глаза уже почти совсем

закрылись, и он, напоследок, переключил телевизор на спортивный канал. Там шел повтор лучших боев бывшего боксера Николая Валуева.

– Тебе же мозги уже давно отбили? Самое место в Думе заседать, – прошептал Паша и мгновением позже заснул.

Во сне он вышел на ринг против того самого Валуева и продержался, бегая от Николая, целых 39 секунд до тех пор, пока не поскользнулся на настиле ринга, и его голова не угодила под левый боковой гиганта.

После этого он оказался в знакомой палате, вновь сбежал из нее, уткой ударив по голове и оглоушив Посколитова, затем скрывался на скотобойне, питаясь сырым говяжьим мясом, выиграл в лотерею «пять из тридцати шести» миллиард долларов и женился на Дженнифер Лопес, которая родила ему четверых близнецов с огромными жопами. От этих жизненных перипетий у Паши жутко заболела голова, он решил свести счеты с жизнью, выбросившись из воздушного шара на рекордной высоте, и в этот момент проснулся.

Паша открыл глаза и обнаружил, что лежит на полу возле тахты, освещаемый ленивыми лучами осеннего солнца. Голова все еще болела, напоминая о произошедших во сне событиях. Телевизор не работал. Паша зажмурился, пытаясь отогнать видения, и привычным уже движением потянулся почесать свой обрубок. Пальцы нащупали что-то странное.

– Черт меня дери, что за хрень? – простонал Паша, приподнимаясь и поворачивая голову направо.

Вместо обрубка из него снова росла рука. Да, это была самая настоящая рука! Паша ощупывал ее и так, и сяк, пробегаясь пальцами левой руки от плеча до кончиков пальцев, щекоча в локтевом сгибе и пытаясь осмотреть подмышку. Последнего сделать не удалось, потому что новая-старая рука безвольно и неподвижно висела плетью.

– Да что же это делается? – воскликнул Паша в отчаянии, не зная, что и думать. – ДЖАРВИС, эй, ДЖАААРВИИИССС! Что со мной? – Он перевел глаза на заляпанную красными кровяными пятнами майку. – Откуда это взялось? – он в панике вскочил на ноги и оглядывался по сторонам, как затравленный зверь. Правая рука болталась в такт пашиным движениям, вяло хлестая его то по животу, то по пояснице. – Я что, кого-то прибил? Жоржа? Как? Да ответь же ты мне!

– *Тихо, Паша, тихо.* – раздался в мозгу у Паши спокойный голос ДЖАРВИСа. – *Я сейчас все объясню, присядь.*

Ноги Паши подогнулись, и он кулем свалился на тахту.

– *Вещай,* – измученно прошептал он, закрыв глаза.

– *Как ты, наверно, знаешь, что некоторые живые организмы имеют способность регенерации. Например, ленточный червь может воссоздать целую особь из любого участка своего тела...*

– *Я что, чертов червь?* – перебил лектора Паша.

– *Представители отрядов членистоногих, моллюсков и некоторых позвоночных, при необходимости, могут восстановить утраченный орган,* – не обращая внимания на пашину реплику продолжил ДЖАРВИС. – *Саламандры и тритоны легко могут вырастить новую конечность взамен утраченной.*

– Я не понимаю, чем я похож на этих сраных ящериц? – нашел в себе силы возмутиться Паша. – Нет, я, конечно, тебе жутко благодарен за эту новую руку, которая не слушается меня и болтается как говно в проруби, но мне очень не хотелось бы становиться каким-нибудь траханым мутантом-амфибией, мать его за ногу!

– *Дай мне договорить. И еще. Я же просил тебя высказывать свои мысли и соображения про себя, а не вслух! Итак. В моем распоряжении, как я тебе уже сообщал, находятся все знания человечества, накопленные им за время своего существования. Это даже не BigData, как у вас недавно стало модным говорить, а GreatestDataEver, назовем их так. Я проанали-*

зировав все научные работы, все изыскания и даже зачатки поисков ваших ученых в сфере регенерации биологических организмов. К счастью, в текущую информационную эру любой чих заносится в компьютер.

– Далее я произвел на их основе некоторые вычисления и выявил определенные закономерности и протоколы, позволившие мне сделать работу по восстановлению твоей руки.

Если бы ДЖАРВИС мог предстать перед Пашей в виде обычного человека, он, несомненно, раздувался бы сейчас от гордости за проделанную работу, как павлин. Паша не сомневался в этом.

– Все-таки интернет – одно из ключевых изобретений человечества! – ДЖАРВИС помолчал немного, а затем продолжил, – Создание планетарной информационной сети – необходимое условие для дальнейшей эволюции любого разумного вида. Вы сделали шаг в верном направлении. Вам бы еще освоить в полной мере сбор и аналитику того огромного массива данных, которые уже есть, по сути, у вас прямо под носом. Здесь кроются очень большие перспективы развития...

– Послушай, ДЖАРВИС. Давай ближе к делу, а? – попросил Паша. – Я ценю твои познания и все такое, но моя рука сейчас интересует меня больше, чем перспективы развития какого-то там человечества.

– Понимаю, извини. Добыв необходимую информацию, я запустил в твоём организме нужные процессы. Поэтому-то у тебя и начало чесаться в том месте...

– В обрубке.

– Да, там. Далее, прикинув различные варианты, я понял, что лучше проводить процедуру регенерации при некоем подобии наркоза. Мои прогностические модели не могли на сто процентов предугадать твою реакцию. Твоя психика попросту могла не справиться с, так сказать, визуализацией процесса восстановления.

– С другой стороны, для успешного результата необходима постоянная подпитка организма энергией. Для этого я попросил Жоржа принести как можно больше насыщенной белком пищи. Помимо этого, я попросил его купить и иных продуктов, дабы не смущать тебя и, одновременно, разнообразить твой рацион.

– Постой, так вот для чего было это мясо... Я ничего не помню... – Паша еще раз осмотрел свою окровавленную майку. – Я его что? Съел? Когда?

– После того, как ты отключился, я погрузил тебя в немного более глубокий сон, а затем перевел в некое подобие сомнамбулического состояния. В нем ты и находился все то время, пока росла твоя новая рука. И мясо ты съел, как говорят испанцы, *en bruto*, необработанное... Но ты не переживай, я не обнаружил в тебе никаких патогенных микроорганизмов. С этой точки зрения ты здоров. Да, заодно я полностью подлечил твою ногу.

– Вот уж обрадовал, так обрадовал... – Паша сделал несколько круговых движений глазами, отгоняя головную боль по методу своей матери. Ему это почему-то помогало слабо. – Ты, значит, управлял мною, как марионеткой?

– Ну, я бы не стал выражаться именно так...

– И сколько времени я провел в отключке? – Паша встал и медленно побрел на кухню, стараясь не задеть новорожденной рукой за дверной косяк комнаты и стены коридора. Во рту была жуткая засуха, которую следовало срочно искоренить.

– Весь процесс занял пятьдесят девять часов.

– Пятьдесят девять? Значит, я был твоим големом больше двух суток?

– Паша, мне не очень нравятся твои аналогии...

– Привыкай.

– Я использовал данную ситуацию исключительно в благих целях.

– Да, только сначала я оказался в полном дерьме. Из-за тебя, между прочим.

– Паша, если бы я мог изменить прошлое... Поверь мне, я бы так и сделал.

– *Окей, извинения приняты... Ё-мое, срань господня...* – Паша добрался до кухни, и перед ним открылось зрелище полного погрома.

– *К сожалению, я не смог управлять тобой столь же искусно, как это делаешь ты сам,* – чуть виновато, как показалось Паше, сказал ДЖАРВИС.

– *Офигеет...* – протянул Паша.

Повсюду на полу в липких лужицах валялись обрывки упаковки, шкурки от бананов, кусочки фольги от шоколадок, пустые банки сгущенки, разбитые яйца и рассыпанные макароны. Халат, в виде грязной окровавленной тряпки, валялся у стены. Под перевернутым табуретом обнаружилась пара недоеденных огурцов и один дохлый рыжий усач.

– *Надеюсь, я хотя бы не ел этих?* – спросил Паша у Джарвиса, показывая пальцем левой руки на трупик таракана. – *А то, я слышал, что в них много белка.*

– *Нет, что ты. До этого бы дело не дошло,* – не слишком убедительно, как показалось Паше, ответил ДЖАРВИС.

– *Как представлю, что здесь творилось в эти дни...* – по пашиному телу прокатилась волна мурашек.

– *А ты не представляй! Я обнаружил, что у тебя очень живое воображение и подвижная психика. В каких-то ситуациях – это твое преимущество, а в каких-то – недостаток.*

– *Спасибо, капитан Очевидность, чтоб я делал без твоего глубочайшего анализа особенностей моего характера!* – саркастически улыбнулся про себя Паша. – *Что дальше? Рука у меня теперь вроде как снова есть, но я ее совершенно не чувствую. Это нормально?*

– *Да, не беспокойся. Кровообращение налажено, далее я постепенно буду включать нервные окончания, и ты сможешь начать заново привыкать быть физически полноценным человеком. А пока я бы посоветовал тебе сменить гардероб.*

– *Что?*

– *Иди вымойся, а затем достань из рюкзака свою новую одежду. Рюкзак я... то есть ты перенес в комнату.*

– *А кто будет убирать все это великолепие?* – Паша обвел глазами кухню.

– *Что-нибудь придумаем. В любом случае, я переведу на счет хозяйки квартиры достаточную сумму, чтобы покрыть любые неудобства, причиненные нами.*

– *Нет, так дело не пойдет. То есть ты, конечно, заплатишь ей, но убраться здесь все равно надо. Я так не могу.*

– *Хорошо, я передам соответствующие указания Жоржу, он закупит моющие средства.*

– *Ладно, этот вопрос обсудили. Значит, мыться?*

Стянув с себя грязные майку и трусы и бросив их к халату, Паша направился в ванную.

Там он кое-как намылился и встал под горячие струи душа, приносящие с собой ощущение чистоты.

– *Хорошо,* – подумал Паша с благодарностью. – *Иногда человеку нужна лишь самая малость, чтобы почувствовать себя живым.*

– *Ой!* – вдруг взвизгнул он, поскользнувшись в эмалированной лохани. Внезапно, он ощутил в правой руке покалывание тысяч булавок, к которым, к тому же, был подключен электрический ток. Раньше случалось, что Паша засыпал на руке. После этого та теряла чувствительность, а затем, когда Паша пытался восстановить ее подвижность, отвечала ему схожим покалыванием. Но теперь боль была в тысячу, нет – в десять тысяч раз сильнее. Паша заскулил сквозь сжатые зубы, словно дворový пес, клячащий подачку, и скрючился на дне ванны.

В голове его раздался бодрый голос ДЖАРВИСа, – *Потерпи немного, я начал подключать твою руку!*

– *А нельзя ли немного полегче? У меня ощущение, будто я погрузил руку в ведро с раскаленными иглами!* – левой рукой Паша положил правую на колени и баюкал ее словно младенца. Это мало помогало.

– *Совсем скоро будет полегче. Потерпи еще чуть-чуть. К сожалению, я не могу сейчас приглушить боль, иначе чувствительность не восстановится в полном объеме.*

– *Черт! Легко тебе говорить «потерпи». Это же не твоя рука!*

– *В каком-то смысле и моя тоже.*

– *Оккупант фигов!* – чтобы хоть как-то отвлечься, Паша начал считать вслух. Когда он досчитал до ста семнадцати, боль немного утихла и стала почти терпимой. На двухсот тридцати он смог снова встать под душ и расслабить нывшие от напряжения мышцы. Полностью боль прошла, когда Паша досчитал до семисот восьмидесяти девяти. К тому времени он уже хотел поскорее вылезти из душа и одеть на себя хоть что-то, но боялся повторения приступа боли.

– *Это все? Подключение прошло успешно?* – спросил он ДЖАРВИСа осторожно вылезая из ванны. Рука все еще была как чужая.

– *Да, теперь тебе нужно будет пробовать шевелить пальцами и сгибать руку. В общем, осваиваться с ней заново. Но для начала, я бы посоветовал тебе одеть нижнее белье.*

– *Разберемся,* – ответил Паша и неуклюже вытерся полосатым махровым полотенцем. Затем он прошлепал в комнату и, взяв рюкзак, затащил его на тахту.

– *Посмотрим, что вы с Жоржем мне приготовили.*

Паша расстегнул молнию и начал вынимать из вместительного рюкзака его содержимое.

На кровать перекочевали два одинаковых темно-синих свитера крупной вязки, черная осенняя куртка из непромокаемой ткани с отстегивающимся капюшоном, пачка трусов-боксеров, упаковка носков, две майки, синие джинсы с модными потертостями и, наконец, высокие ботинки из темной кожи с толстыми подошвами. Вместо шнуровки в ботинки была врезана молния. Вся одежда была нужного размера. Паша уже не удивлялся предусмотрительности ДЖАРВИСа.

Он натянул трусы и майку, затем надел носки и влез в джинсы.

– *Вот теперь я чувствую себя намного более комфортно,* – удовлетворенно подумал Паша.

– *На первое время этих вещей, думаю, хватит,* – подал голос ДЖАРВИС. – *А после ты уже сам купишь все необходимое. Попробуй-ка пошевелить пальцами.*

Паша пошевелил пальцами левой руки.

– *Чувство юмора присутствует, это хорошо,* – констатировал ДЖАРВИС. – *Но меня сейчас больше интересует другая рука.*

– *Да пробую я!* – Паша минут десять изо всех сил пытался оживить правую руку, но ничего не получалось. – *Не могу...* – он порядком расстроился.

– *Не торопись делать выводы. Попробуй еще. Ты недостаточно старался.*

– *Ну да, да... Конечно, недостаточно! Да у меня чуть прямая кишка не вылезла от усердия!* – Паша снова напрягся до дрожи во всем теле.

– *Сконцентрируй усилия на руке,* – направлял его ДЖАРВИС, – *нам не нужно напрягать каждую частичку организма. Фокусируйся!*

Паша попытался расслабить напряженные мышцы спины и ног и направить это напряжение в спящую руку. Через некоторое время он почувствовал, что эта задача стала ему удаваться. Рука вдруг дернулась, да так ощутимо, что Паша с испугом отпрянул назад.

– *Молодец! Ты на верном пути,* – подбодрил ДЖАРВИС. – *Не останавливайся, продолжай!*

– *Блин, это сложнее, чем я думал!* – Паша вытер со лба несколько капель пота своей надежной левой.

– *А ты как хотел? Между прочим, это – первый случай регенерации руки у человеческой особи. Можешь этим гордиться!*

– *Горжусь, горжусь. Не отвлекай.* – Паша снова сосредоточился на руке. На этот раз сфокусировать усилия на ней оказалось гораздо проще. Рука снова дрогнула, но это оказалось

максимумом, чего смог добиться Паша. Разочарованный, он распластался на тахте и уставился в потолок.

– *Не переживай, все функции восстановятся. Просто нужно время.* – ДЖАРВИС был чересчур оптимистичен на взгляд Паши.

– *Откуда ты знаешь, что все сделал правильно?* – спросил он. – *Может быть ты перепутал что-то, когда подключал нервы? Да и есть ли у нас время? Что там с моими поисками?*

– *Конечно правильно, в этом можешь не сомневаться. Что же касается поисков – что ж, могу ознакомить тебя с их ходом.*

– *Сделай милость.*

– *В данный момент, твои поиски зашли в тупик, Гурвич не знает, что делать...*

Гурвич не знал, что делать. Поиски Занозина, похоже, зашли в тупик. Прошло уже больше трех дней с момента его пропажи, а у них не было ни единой зацепки. Несмотря на огромное количество ресурсов, привлеченных к поискам, результата не было. Семенов, секретарь Первого, мрачнел день ото дня и одним своим видом доводил Гурвича до нервного тика.

Когда первый поисковый отряд вернулся, проследив путь Занозина в лесу до выхода на трассу, показалось, что вскоре он будет найден. Однако, затем все пошло не так. Судя по всему, беглец смог воспользоваться каким-то транспортом или поймать попутную машину. Учитывая ранее время и локацию, это выглядело практически нереальным совпадением. Семенов запросил данные со спутниковой системы слежения, но, как оказалось, данный сектор местности не попадал в поле ее наблюдения в момент вероятного контакта Занозина с третьим лицом.

Тайная директива Правительства, несомненно, выражавшая волю Первого, наделяла Семенова практически безграничными полномочиями в отношении поимки Занозина. И секретарь пользовался ими в полной мере. На усиленный режим патрулирования были переведены расквартированные в Московской области подразделения Гвардии, в воинские части Центрального округа был отправлен приказ о предоставлении бойцов для «поисковой операции по задержанию особо опасного преступника». Ориентировки на Занозина были разосланы в каждый полицейский участок в радиусе пятидесяти километров от места его пропажи. Был сформирован передвижной штаб операции, в который входило, помимо всего прочего, около двадцати специалистов, работавших исключительно над анализом потока контента, поступающего с камер наружного видеонаблюдения и беспилотников.

И все же, несмотря на масштаб поисков, результата они пока не приносили. По всему выходило, что Занозин «залег на дно», найдя укрытие у гражданских. В этом свете перспектива затягивания операции на недели становилась все более реальной. О более длительных сроках Гурвич старался не думать. Проверка области поисков на наличие возможных знакомых и родственников Занозина ничего не дала. Для тотального же обыска каждого жилого и нежилого помещения в округе не хватило бы людских ресурсов даже у Первого.

После показательного и жестокого расстрела Посколитова и еще семи солдат, отвечавших за охрану периметра в ночь побега Занозина, Гурвича преследовали кошмары. В том числе, с участием теперь уже покойного Ивана Алексеевича.

Николай Васильевич со страхом ждал каждой встречи с Семеновым, которые, к сожалению, происходили с завидной регулярностью, а уж о возможной новой аудиенции у Первого он боялся и помыслить...

– *...Поэтому на этот счет ты можешь быть спокоен,* – закончил ДЖАРВИС свой доклад.

– *Так сколько мне еще сидеть в этой квартире?* – поинтересовался Паша.

– По моим оценкам, поймать нас вряд ли удастся. Я контролирую камеры наблюдения и дрона таким образом, чтобы ты оставался для них невидимым. Да и от прямой слежки я могу тебя уберечь. Есть только одно маленькое условие – нюанс, назовем это так...

– Так, мне это уже не нравится... Хочешь, я тебе расскажу анекдот про нюанс?

– Спасибо, Паша, не надо. Я его знаю из твоей памяти. Не самый политкорректный, но смысл понятен. Однако, я бы на твоём месте выслушал мое предложение.

– Ладно, что уж там, выкладывай. Время у нас есть.

– Я могу подготовить тебя к выходу в общество таким образом, что в тебе никто не узнает Павла Занозина.

– Слушай, ДЖАРВИС, мне почему-то кажется, что лучше не дослушивать это твоё «предложение», – подозрительно подумал Паша.

– Путём несложных манипуляций, – продолжал, тем не менее, ДЖАРВИС, – я изменю черты твоего лица таким образом, чтобы ты оставался не узнаваемым даже людьми, близко знавшими тебя ранее.

– Манипуляции, значит... Несложные... Угу... – Паша закатил глаза.

– Нет, ты, конечно, можешь оставаться затворником до конца своих дней... – раздался вкрадчивый голос пашиного сожителя. – С помощью Жоржа и ему подобных мы можем перевозить тебя с места на место, запутывая след. Но всегда останется риск нарваться на неожиданный дорожный патруль, случайного знакомого... Да и вообще, люди – не особо надёжные существа в плане сокрытия секретов, ты же знаешь.

– С другой стороны, если ты пройдёшь процедуру трансформации, то сможешь совершенно спокойно передвигаться, не опасаясь разоблачения!

– Извини, ДЖАРВИС, но мне жутко не нравится слово «манипуляции», а слово «трансформация» мне нравится ещё меньше! – Паша попробовал было снова сосредоточиться на оживлении своей руки, но у него снова ничего не получилось.

– Объясню предельно просто. Я изменю кости твоего черепа и, следовательно, лицо таким образом, что визуально ты станешь другим человеком! К тому же, я могу воздействовать на твои голосовые связки, чтобы голос стал неузнаваем.

– Я ждал от тебя чего-то подобного... – вздохнул Паша. – Это... Это... Просто хрень какая-то! – не нашелся, что ответить он. – Я, знаешь ли, очень привязан к своей внешности! Я, конечно, не считаю себя красавчиком, но за двадцать семь лет как-то по привычке видеть в зеркале знакомую картину! Да и голос трогать не очень хочется... А словосочетание «кости черепа» наполняет меня каким-то отвратительным трепетом!

– Я не буду делать из тебя Квазимодо, поверь! К тому же, если ты боишься физической боли, – сыграл на опережение ДЖАРВИС, – я могу снова погрузить тебя в сон.

– А потом, мы всегда сможем вернуть все как было! – выбил он последний козырь из рук Паши.

– Все-таки неприятно, когда собеседник читает твои мысли и отвечает на ещё не заданные тобой вопросы, – пробормотал Паша себе под нос. У него промелькнула мысль о том, что ДЖАРВИС мог и не спрашивать его разрешения по поводу изменения внешности. Он мог бы просто перехватить контроль над пашиным сознанием, но почему-то этого не сделал. Пока? Паша содрогнулся. Как от осознания того, что ДЖАРВИС МОГ это сделать, так и от того, что внеземной разум знал, о чем Паша думает каждую секунду. Повисло тягостное молчание.

– Ладно, давай попробуем, что ли... – наконец согласился Паша после долгих и не очень веселых размышлений.

– Хорошо! Хочешь, я погружу тебя в сон? – чересчур живо, как показалось Паше, ответил ДЖАРВИС.

– Пожалуй, обойдемся без этого. Ты точно сможешь обезболить меня?

– Конечно. Начнем?

– *Быстрее, пока я не передумал.* – Паша зажмурился и приготовился терпеть.

К его удивлению, было почти не больно. Выполняя пашину просьбу, ДЖАРВИС словно окунул его голову в чан с густым маслом, куда проникало лишь некоторое неудобство и приглушенное потрескивание, будто кто-то ломал на кухне тонкие бамбуковые палочки. Кроме этого, Паше казалось, что у него по лицу неторопливо ползают две, нет, три толстые мохнатые гусеницы, оставляя за собой липкие дорожки слизи. Представив эту картину, он содрогнулся от омерзения и постарался думать о чем-то более приятном. К сожалению, это ему не очень удавалось.

По ощущениям Паши прошло где-то минут пятнадцать, когда ДЖАРВИС наконец сказал, – *Готово. Можешь полюбоваться собой.*

Паша поспешил вскочить с тахты и бросился в ванную. Голова немного кружилась, и по пути он стукнулся правой рукой о дверной косяк, однако ничего не почувствовал.

Впрочем, несмотря на скорость, к зеркалу он подкрался с некоторой опаской и встал перед ним с закрытыми глазами, морально подготавливая себя к столь необычному испытанию.

– *Не бойся, открывай,* – подбодрил его ДЖАРВИС.

– *Тебе легко говорить... У тебя, можно сказать, лица и вовсе не было никогда!*

– *И все же. Ничего страшного не произойдет, если ты согласишься на нового себя. Давай, посмотри!*

Паша приоткрыл сначала один глаз, потом другой, и, наконец, наклонился ближе к зеркалу, чтобы рассмотреть лицо во всех подробностях.

– *Офигеть!* – мысленно присвистнул он. – *Никогда бы не поверил, что такое возможно, случись это с кем-то другим!*

ДЖАРВИС тактично молчал.

До манипуляций у Паши было вытянутое, несколько лошадиное, лицо с тонким носом, вытянутыми в струнку губами и оттопыренными ушами. Теперь же на него смотрел мужчина с правильным и гармоничным овалом лица. Нос с едва заметной горбинкой ничуть не уродовал, а, наоборот, придавал его внешности некую мужественность, оттеняя немного пухловатые губы, которым позавидовала бы любая женщина. Повертев головой, Паша увидел, что уши прижались к черепу и тоже изменили свою форму. Единственное, что осталось неизменным – его темно-карие глаза.

– *Из-под топота копыт пыль по полю летит!* – громко продекламировал Паша, чтобы проверить свой новый голос. – *Сшит колпак не по-колпаковски, надо колпак переколпаковать, перевыколпаковать!*

Тембр стал немного ниже, чем раньше, что Паше, пожалуй, даже нравилось.

– *С этим я, так уж и быть, могу примириться,* – проворчал он беззлобно, с облегчением от того, что ожидал намного менее приятную картину. И тут же добавил уже про себя, – *Но это не навсегда! Я ни за что не променяю свое старое лицо ни на какую модифицированную хрень!*

– *Конечно! Как только наши дела тем или иным образом образуются, я все верну как было, не сомневайся!* – поспешил успокоить ДЖАРВИС.

– *Ок, с этим разобрались. Так что, я теперь могу идти, куда захочу?*

– *Не совсем. Тебе еще надо оформить новые документы. Не забывай, что сейчас – ты, фактически, новорожденный. Рождение этой личности, внешней оболочки, которую видят окружающие, состоялось лишь несколько минут назад. Ты сможешь перемещаться без ограничений, когда я оформлю тебе гражданский и заграничный паспорта. Также тебе потребуются кредитные карты. Я уже приступил к необходимым процедурам. Тебе лишь нужно сходить и сфотографироваться в фотоателье. Ближайшее находится в здании торгового центра «Земляника», в полукилометре отсюда.*

– *Это все, конечно, здорово,* – сказал Паша, – *Но чем я заплачу за фото? У меня же ни копейки наличных...*

– *Загляни в боковой кармашек рюкзака.*

– *Блин, да ты издеваешься!* – Паша вернулся в комнату, расстегнул молнию на боковом кармане и нашарил там сложенную пачку купюр. Он разложил их на кровати – три купюры по тысяче, шесть сотенных и четыре по пятьдесят рублей. В его распоряжении было почти четыре тысячи.

– *Только не говори мне, что ты и ЭТО предусмотрел!* – укоризненно подумал Паша. – *Этого просто не может быть!*

– *Ты прав, – не стал спорить ДЖАРВИС. – Но я подумал, что случиться может всякое и попросил Жоржа положить в рюкзак этот стратегический запас наличных. Большая сумма могла вызвать ненужные подозрения с его стороны, поэтому я остановился на этой.*

– *А почему не ровная сумма? Четыре тысячи, к примеру?* – спросил Паша.

– *Наверняка тебе потребуются более мелкие купюры, – ответил ДЖАРВИС.*

– *И не поспоришь, – согласился Паша. – Хорошо, фото я сделаю. А дальше что?*

– *Дальше ты попросишь отправить сделанное фото на один из электронных ящиков, которые я создал для разного рода задач. Затем я использую его для изготовления нужных нам документов.*

– *А потом?* – не унимался Паша.

– *Потом ты станешь счастливым обладателем новой личности и довольно крупной суммы денег на принадлежащих тебе банковских счетах. Ты сможешь уехать куда угодно и начать новую жизнь, не думая о прошлом.*

– *Все вот так просто?* – у Паши захватило дух от открывающихся перспектив. – *И никаких больше преследований?*

– *«Было гладко на бумаге, да забыли про овраги», – процитировал ДЖАРВИС русского классика. – Посмотрим, как все будет на деле. Пока я за нас спокоен.*

– *Ну, а ты? Что будешь делать ты? Какой в этом во всем смысл для тебя? Ведь ты привязан ко мне, к моему физическому телу. У тебя же наверняка есть какие-то свои желания, не знаю, планы?*

– *Во-первых, как я тебе уже говорил, мое «сознание», назовем это так, расщеплено и часть его, причем довольно значительная, находится вне твоего физического тела. Ты бы просто не смог удержать мое «я» в себе целиком.*

– *Отсюда следует «во-вторых», желания и планы мои практически не зависят от твоего местонахождения. Ну и, в-третьих, может быть какой-то части меня хочется следовать за тобой и испытать те жизненные повороты, которые тебе уготованы? Не забывай, что «физический интерфейс» для взаимодействия с окружающим миром у меня один – это ты. Через тебя, твои органы чувств, нервные окончания твоего организма мне доступен широкий спектр ощущений, который, в ином случае, был бы для меня недоступен. Кто знает, к чему это приведет?*

– *Ну ты и загнул, – озадаченно протянул Паша. – Ладно, чувствуй себя как дома, – с иронией подумал он.*

– *Знаешь, я немного проголодался. Наверное, это связано с моей очередной трансформацией?*

– *Ты быстро учишься, – похвалил его ДЖАРВИС. – Давай, свари оставшийся пакет макарон, а затем нам нужно навестить фотоателье.*

– *Будет сделано, шеф!* – полушутливо отрапортовал Паша.

Он покидал в себя макароны, съел найденную среди кучи оберток половинку шоколадки, потом неторопливо оделся в принесенные Жоржем шмотки и положил в карман куртки наличные.

– Ты знаешь, как-то слегка боязно выходить на улицу, – признался он ДЖАРВИСу. – Такое впечатление, что я провел в этой квартире целую вечность, сросся с ней как слизень с раковинной и теперь боюсь выползть.

– Это пройдет, – успокоил ДЖАРВИС. – Достаточно сделать первый шаг. Первый шаг в любом деле очень важен.

– Да знаю я, – немного нервно ответил Паша. – Рука, опять же, – он покосился направо, – до сих пор не слушается...

– Все будет в лучшем виде! Пусть события идут своим чередом. Давай, выходи.

– Таких оптимистов как ты еще поискать...

Перед выходом Паша осторожно подкрался к двери и заглянул в глазок. Лестничная площадка была чиста. Тогда он неторопливо приоткрыл дверь и вышел за порог. Когда Паша стал ковыряться ключом в замочной скважине, пытаясь закрыть за собой, его правая вдруг дернулась, стукнувшись о дверное полотно.

– Ох ты ж... – хмыкнул от неожиданности Паша.

– Вот видишь, уже прогресс, – одобрительно сказал ДЖАРВИС. – Процесс идет.

– Посмотрим, посмотрим на этот прогресс, – скептически отозвался Паша.

– Куда теперь? – спросил он ДЖАРВИСа, выходя на тротуар. – Зябко тут!

– Это с непривычки. Сейчас налево, через триста метров еще раз налево, а там увидишь Большое красное здание. Это и есть торговый центр «Земляника». На втором этаже, справа от входа по лестнице, фотоателье «Моментум».

Подходя к торговому центру, Паша нет-нет да и косился на прохожих, стараясь понять, наблюдают ли те за ним. Но люди шли погруженные в свои мысли и не обращали на него никакого внимания. Мимо пролетел полицейский беспилотник. Паша машинально втянул голову в плечи и опустил глаза, рассматривая затейливый узор трещин на асфальте.

– Не волнуйся ты так, у тебя же теперь другая внешность. И рука на месте, – успокаивающе сказал ДЖАРВИС.

– Я еще к этому не привык, – ответил Паша, но вновь поднял голову и пошел к торговому центру.

Рядом с «Земляникой» стояла кебабная палатка.

– Эх, не отказался бы сейчас от шаурмы, – мечтательно подумал Паша.

– Я бы тебе не советовал есть это. – включился ДЖАРВИС. – Согласно данным недавно проведенных Министерством здравоохранения России проверок, из ста семидесяти шести проинспектированных по России точек продажи шаурмы в ста шестидесяти шести были обнаружены множественные нарушения санитарно-эпидемиологических норм.

– Помимо того, что продавцы банально не моют руки, хотя хватаются за деньги, продукты и даже свои половые органы при походах в туалет, в так называемой шаурме было обнаружено превышение предельно допустимого количества бактерий и микроорганизмов в десятки, а то и сотни раз. В том числе и бактерий кишечной палочки.

– Нет, я, конечно, могу защитить твой организм от данных проблем. Но, боюсь, что на это будет затрачено немало необходимой тебе для иных задач энергии.

– Так почему же эти точки с шаурмой не закроют?

– Паша, ты же не такой наивный, каким пытаешься себя выставить! Банальная коррупция, вот – главная причина этой и многих других проблем.

– Понятно... Ладно, пойдём насухую.

Паша зашел в здание ТЦ. На первом этаже располагался продуктовый супермаркет «Минутка». Паша поднялся по лестнице и прошел к фотоателье, минуя павильоны с одеждой, какими-то сувенирами, товарами для охоты и рыбной ловли.

– Можно сфотографироваться на паспорт? – спросил он скучающую за стойкой прилавка девушку лет двадцати в узеньких очочках.

– Легко! – жизнерадостно улыбнувшись ответила та и указала на стул, стоящий у белой стены. – Садитесь вон туда.

Паша сел, и девица, включив небольшую лампу направленного света, подскочила к нему с фотоаппаратом.

– Подбородок повыше... Так, теперь голову чуть левее поверните. Правое плечо вниз, – она защелкала затвором. – Готово. Четыреста рублей.

– Возьмите. – Паша выложил пачку денег на стойку, вынул из нее требуемую сумму и убрал остальные купюры обратно, управляясь левой рукой. Правая все это время была засунута в карман куртки, но тут неожиданно выскочила на волю и со всего маха шлепнула ладонью по поверхности прилавка. Паша вздрогнул от неожиданности и одновременно с радостью почувствовал во вновь обретенной руке еле заметный зуд.

Гораздо более сильный эффект данное деяние произвело на девушку. Она подскочила чуть ли не на метр вверх и опрокинула чашку, стоящую на краю прилавка. Очки соскочили с ее лица и упали на пол, лишь чудом не разбившись. Она осоловело уставилась на Пашу, не делая никаких попыток убрать деньги, которые заливала растекающаяся из чашки лужица чая.

– Простите пожалуйста, – пробормотал Паша и снова полез в левый карман.

– Вот, – он протянул девушке тысячную купюру. Та не сделала попытки взять ее. – Это вам, за неудобство. Понимаете, у меня тик. Он периодически возникает. Иногда все нормально, а иногда... – Паша положил деньги на столешницу, подальше от разлитого чая, и снова зачихнул правую в карман. – Вы, пожалуйста, отправьте мои фото...

– *Называй адрес!* – мысленно обратился он к молчавшему ДЖАРВИСу.

– Отправьте мои фото на электронный адрес... – он повторил продиктованные ему буквы вслух.

– Я не запомнила, – слегка дрожащим голосом ответила девушка.

– А вы запишите. У вас очки упали. – Паша достал еще одну тысячную купюру и положил рядом с первой.

– Да-да, сейчас, – фотограф вышла из ступора и, нагнувшись, подняла очки. Затем нашла клочок бумаги и ручку. – Диктуйте, – сказала она, забирая с прилавка деньги.

Паша еще раз произнес адрес.

– Хорошо, в течение часа я пришлю их вам. А сейчас извините, мне надо работать. И прибрать весь этот беспорядок.

– Да, конечно. Еще раз простите меня, пожалуйста. – Паша попятился и вышел из павильона, аккуратно прикрыв за собой стеклянную дверь.

– *Блин, эта рука меня до инфаркта доведет!* – пожаловался он ДЖАРВИСу, спускаясь по лестнице на первый этаж ТЦ.

– *Все идет по плану, не волнуйся,* – ответил тот назидательным тоном.

– *Да-да... Скоро моя правая людей колошиматить начнет, а ты – «по плану»,* – вздохнул Паша. – *Но, кажется, я что-то в ней почувствовал. Похоже, какая-то обратная связь все же появляется!*

– *Ладно,* – продолжил он, не дожидаясь реплики ДЖАРВИСа, – *Загляну-ка я в продуктовый. Надо ведь что-то на ужин купить, раз уж деньги остались.*

Супермаркет «Минутка» напомнил Паше московскую сеть продуктовых магазинов, отличавшихся крайне невысокими ценами на не очень качественные товары. Контингент таких магазинов обычно состоял из пенсионеров, лиц неблагополучной наружности и прочих представителей социально-незащищенных слоев населения. Вот и сейчас Паша увидел пару бомжеватого вида детей, мнующихся у вино-водочного отдела. Бедновато одетые старики с явным вожделением косились на копченые сосиски и любительскую колбасу. Низенькая бабушка со сморщенным лицом перебирала картофелины в большом ящике, высматривая среди них наименее порченые.

Взяв на входе продуктовую корзинку на колесиках, Паша положил в нее пачку самых дорогих в магазине пельменей, два пакета макарон, упаковку куриных бедрышек синюшного оттенка, три больших плитки шоколада «Аленка» и, несмотря на протест ДЖАРВИСа, пару банок пива. По пашиным подсчетам, на все про все должно было уйти около тысячи трехсот рублей.

– Ну, а что? – оправдывался Паша, – *Надо же мне хоть расслабиться после всех этих событий!*

– *Для этого не обязательно употреблять алкоголь,* – урезонивал его ДЖАРВИС. – *Я бы мог воздействовать на твой центр удовольствий, чтобы расслабить тебя.*

– *Вот только не надо этого, хорошо? Я уж как-нибудь по старинке,* – отмахнулся от него Паша.

– *Блин, как же обидно за людей,* – он сокрушенно покачал головой, осматриваясь по сторонам. – *Ладно, те два ханурика, которые на водку любят. Но старики-то! всю жизнь горбатиться и получить после этого подачку от государства в виде нищенской пенсии, на которую приходится выживать, выжывая в магазинах наименее испорченную еду... А многодетные семьи? Дети в детдомах? Больные, вынужденные просить милостыню на лекарства или собирать деньги в интернете?*

– *На философию потянуло?* – спросил ДЖАРВИС.

– *Ну а что? Я никогда не понимал, как может такое быть, что в наиболее обеспеченной ресурсами стране живет, нет... существует так много неустроенных, бедных, брошенных людей?*

– *А ты?*

– *А что я? Я, по крайней мере, могу...* – Паша запнулся, вспомнив о недавних событиях. – *Мог позволить себе хоть какой-то уровень потребления. И то, – продолжил он, – я не знаю, что будет со мной, когда я постарею и стану не нужен работодателю. Как можно прожить на пенсию в семь тысяч рублей, скажи мне? И это – еще не самая маленькая!*

– *А как эти люди живут?*

– *Да посмотри на них! Разве это жизнь? Это – выживание!*

– *Молодой человек!* – мысленные излияния Паши прервал женский голос.

Паша обернулся и увидел старушку, которую он заметил раньше у коробки с картошкой.

– *Молодой человек, помогите пожалуйста.* – Женщине на вид было лет семьдесят, если не больше. Седые волосы были заправлены под бордовый берет, на исхудалом лице выделялся мясистый нос, которым старушка постоянно шмыгала. Глаза ее были воспалены и слезились. Тонкой рукой, похожей на птичью лапку, бабушка робко дотронулась до рукава пашиной куртки.

– *Что случилось?* – спросил Паша.

– *Мне кажется, я увидела в дальнем углу хорошие картофелины, а дотянуться до них не могу,* – сказала старушка. – *Не можете мне их достать?*

– *Да, конечно, бабушка. Пойдемте.*

Паша вместе со старушкой подошел к ящику с картофелем. Действительно, в дальнем углу лежали, по виду, более-менее хорошие корнеплоды, тогда как с краю была насыпана одна гниль.

– *Сколько вам?* – обратился Паша к женщине.

Та потерла нос и по-старушечьи пожевала губами, – *Давайте штук семь. Больше мне не донести. Я же тут еще морковку, лучок, молочко взяла, полбуханочки, сосисочек,* – показала она на тележку, стоявшую рядом.

Паша выбрал семь крупных картофелин и положил их в тележку.

– *Далеко живете?* – подчиняясь внезапному порыву, спросил он.

– Да не очень, милый, не очень, – бабушка подслеповато сощурилась, разглядывая пашин улов.

– Так может я вас провожу? Помогу вам донести продукты?

– Помоги, родной, помоги, – обрадовалась женщина. – Как ты говоришь тебя зовут?

– Паша, – сказал Паша одновременно с ДЖАРВИСом, который произнес у него в голове –
Рома!

– То есть Рома, – поправился Паша.

– Это как так? – удивилась бабушка.

– *Я тоже хотел бы это знать!* – мысленно спросил Паша у ДЖАРВИСа.

– *Не забывай, что у тебя – новая внешность,* – ответил ему тот. *Официально, ты теперь – другой человек. Документы я делаю на имя «Роман Котов». Привыкай.*

– *А раньше не мог сказать?!* – возмутился Паша. – *Хорошо, что это – бабка, а не полицейский!*

– *Раньше не было возможности,* – парировал ДЖАРВИС. – *Ты очень долго философствовал.*

– Сынок, – старушка дернула Пашу за рукав, – Ты что застыл?

– Эээ, понимаете, Пашей меня называют друзья, потому что... потому что я похож на известного актера – нашелся Паша. – А на самом деле я – Рома. А вас как зовут? – постарался он свернуть с темы.

– Зинаида Ивановна, – сказала женщина и поправила берет.

– Очень приятно! Зинаида Ивановна, давайте я вам еще картошечки положу?

– Ну давай, давай, раз ты мне обещался помочь, – согласилась она.

Паша выбрал из коробки еще десять картофелин поменьше.

– А что, ты левша, да? – неожиданно спросила бабка.

– Нет, – на автомате ответил Паша.

– А что ж ты левой шуруешь, а правая у тебя все время отдыхает? Поранил?

– Да нет, просто... – Паша начал лихорадочно соображать, что ему говорить, словно перед ним была не старая женщина, а патрульный. – *Помоги мне, придумай что-нибудь!* – обратился он к ДЖАРВИСу. – Просто...

– *Скажи, что ты травмировал локоть во время занятий фитнесом,* – пришел мысленный ответ.

– Я, это... занимался, понимаете. Отжимания всякие... Ну и повредил локоть, – Паша сделал еще одну попытку почувствовать правую руку, и, к собственному изумлению, смог медленно вытащить ее из кармана без помощи левой и даже немного покрутить кистью.

– Вот, посмотрите, – обратился он к женщине. – Когда двигаю ей, болит, собака.

– Понятно. У меня внучок тоже иной раз что-нибудь себе травмировал после этого вашего, как там его. Воркшопа что ли... Эти занятия – одна морока! – из глаз Зинаиды Ивановны полились крупные слезы. Она часто зашмыгала носом, достала из кармана своего старенького пальтишка смятый клетчатый платок и шумно высморкалась.

– Что случилось, что с вами? – всполошился Паша.

– Посодют его на днях, внучка моего. Дело шьют, ироды! – из-за того, что старушка заплакала, ее и без того морщинистое лицо стало похожим на мордочку маленького шарпея. Паша отогнал от себя непрощенные мысли.

– А что натворил ваш внук? – он постарался придать своему голосу озабоченности.

– Да ничего он не натворил, в том-то и дело! Повесил какую-то картинку в этих ваших энтернетах. Якобы этим он нового Боженьку оскорбил. А я считаю, хоть сама и верующая, – бабка осенила себя крестным знаменем, – что не может наш Боженька оскорбиться из-за какой-то картинки. Он выше всего мирского, так нас отец Панасий учил.

– Так может отделается ваш внук каким-нибудь штрафом? – попытался ободрить женщину Паша. Во время разговора он ни на минуту не забывал про руку и изо всех сил пытался пошевелить пальцами, но это пока не получалось.

– Или назначат ему часов сто общественных работ. Храмы там, церкви убирать. Еду бездомным раздавать.

– Эх, если бы... Мать евонная, дочка моя, говорит, что пару годков могут впаять. Я Первому про внука написала. Люди говорят, что заступается он, когда эти начальники лютуют! – Зинаида Ивановна вдруг ожесточилась. – Знаешь, теперича какие времена злые? Гайки-то закручивают, ой закручивают! Вы, молодежь, под шибким контролем у них! – она подняла свой узловатый указательный палец и указала им в потолок. – Про нас-то, стариков, совсем позабыли, только на День Победы вспоминают, а вами уж очень интересуются, ироды! Эх, Первого на них нет!

– Ничего, прорвемся как-нибудь, – неопределенно ответил Паша. – А Первому – это вы зря. Он же у них самый главный.

– Вот я и говорю, только он этих нахлебников урезонить может!

– Ну Зинаида Ивановна... – покачал головой Паша. – Вам еще что-то нужно из продуктов? – решил он сменить тему.

Старушка отрицательно покачала головой.

– Пойдемте тогда на кассу.

– Как же ты это все дотащишь одной-то рукой? – спросила Зинаида Ивановна, когда Паша переложил их покупки в четыре полиэтиленовых пакета, взятых у кассирши.

– Ничего, справлюсь. Я же спортом занимаюсь! – левой рукой Паша сгреб пакеты и бодро покачал их, примериваясь к весу.

– Ты можешь? – обратился Паша к ДЖАРВИСу. – *Нужно усилить руку, чтобы я не спекся по дороге.*

– *Сделаю,* – лаконично ответил тот.

– Показывайте, куда идти? – спросил Паша старушку, когда они вышли на улицу.

Та шмыгнула носом. – Вон тама, через три дома слева, видишь, улочка уходит? – Паша кивнул, присмотревшись в направлении ее вытянутой руки. – Туда, значить, нам.

– Ведите, Зинаида Ивановна, я за вами пойду.

Женщина кивнула и засемила по тротуару, непрерывно шмыгая и что-то бормоча себе под нос.

– *Ты можешь посмотреть, что за история с ее внуком?* – спросил у ДЖАРВИСа Паша.

– *Мне нужно знать его имя, остальное – дело техники.*

– Как вашего внука зовут, Зинаида Ивановна? – обратился Паша к женщине.

– Игорек, – ответила та.

– А фамилия? Я хочу его в друзья добавить в соцсети, поддержать, так сказать, морально, – соврал Паша.

– Метелкин. Выбрала дочка мужа, то же мне, – заворчала старушка. – У нас-то благородная фамилия – Задунайские, а она выскочила, понимаешь... за Метелкина!

– *Есть,* – отрапортовал ДЖАРВИС через несколько секунд. – *Игорь Иванович Метелкин, 19 лет, студент. Взят под стражу три месяца назад. Вменяется оскорбление чувств верующих, статья 999, пункт б. Наказание – до трех лет лишения свободы.*

– *Охренть... За картинку?*

– *На изображении, размещенном Игорем Ивановичем Метелкиным в социальной сети фейсбук, изображено валламское божество – Аалект, который представлен в виде сотрудника сети ресторанов быстрого питания.*

– *И?*

– И все. Этого оказалось достаточно, чтобы бдительный гражданин, в деле он проходит под именем «Николай Н.», написал куда следует. Началось судебное производство, кульминация которого должна наступить в ближайшие дни.

– Мда... Нет, я, конечно, слышал краем уха про то, что какого-то парня из Магаданской области посадили за призыв вешать местных чиновников, но, чтобы за религиозные картинки... Дичь какая-то.

– На самом деле, таких дел сейчас достаточно много. Позиции валламской церкви у вас в стране довольно сильны. И возглавляют ее, если ты не знал, компетентные люди.

– Ага, это те, что ездят на машинах стоимостью в годовой бюджет небольшого городка? Те, что носят цацки за сумму, на которую можно месяц кормить Буркина-Фасо? Те, что пользуются...

– Они самые. – не дал Паше закончить мысль ДЖАРВИС. – Кстати, находятся в очень тесных отношениях с вашим Первым. Для пуцевого контроля популяции.

– Это я и без тебя знаю... Послушай, а как же чувства неверующих? Их можно оскорблять засильем храмов и икон?

– За неверующими не стоит столь мощный... институт, скажем так, поэтому их чувствами, как, кстати, и чувствами верующих остальных конфессий можно смело пренебречь. Ты, кстати, в курсе, что РВЦ планирует объявить Первого Помазанником Божьим и, в качестве Царя, представить его своим прихожанам как постоянного правителя Святой Руси?

– С чего ты это взял? Ты бредишь что ли? – от такого откровения Паша остановился посреди улицы как вкопанный.

– Отнюдь. К счастью, кое-какие из современных веяний не обошли и церковь. В частности, у них введен электронный документооборот. Мне не составило особого труда обойти их примитивное шифрование и прочесть все документы с грифом «секретно».

– Ромочка, мы почти пришли, – прервала мысленный диалог Паши и ДЖАРВИСа Зинаида Ивановна, увидев, что Паша больше не идет за ней. Старушка подумала, что он устал. – Потерпи чуть-чуть!

– Да-да, Зинаида Ивановна, иду! – крикнул Паша, переваривая услышанное от ДЖАРВИСа и догоняя женщину.

Через пятьдесят метров они остановились у серой пятиэтажки с потрескавшимися балконами.

– Вот мы и на месте, – женщина с трудом отворила тяжелую подъездную дверь. – Рома, заходи.

Они вошли в сумрачное чрево подъезда.

– Какой у вас этаж? – спросил Паша.

– Третий, Ромочка, третий. – Зинаида Ивановна с трудом начала подниматься по крутой лестнице.

Паша топтался за ней, не решаясь обогнать. Он с радостью обнаружил, что ощущает подмерзшую на осеннем ветру правую кисть и попытался засунуть ее в карман куртки. Через несколько ступенек это ему удалось.

– Ты можешь что-нибудь сделать, чтобы спасти от тюрьмы ее внука? – обратился Паша к ДЖАРВИСу.

– Есть два варианта, – отозвался тот. – Я могу стереть всю информацию о Метелкине из судебной базы данных, а также вычистить его соцсети, разумеется, включая кэш. Однако, в суде есть бумажные копии дела, поэтому такой метод не принесет особой пользы.

– А второй вариант?

– Учитывая местную специфику, я могу отправить секретную депешу с самого верха с указанием прекратить данное дело.

– Хм... А если судья усомнится в подлинности депеши и запросит ее подтверждения по другим каналам?

– Паши, усомниться в подлинности и правильности приказа свыше в современной России... Ты сам-то веришь в это?

– Да, ты прав... – ответил Паша после секундного раздумья. – Хорошо, давай тогда реализуем второй вариант.

– Сделано, – буднично сказал ДЖАРВИС в тот момент, когда они, наконец, добрались до лестничной площадки третьего этажа.

Старушка шумно втягивала в себя воздух, пытаясь отдышаться после тяжелого подъема.

– Сейчас, сейчас, Ромочка, – выдохнула она, копясь в кармане потертого пальто. – Вот, нашла.

Она вынула из кармана длинный латунный ключ с двойной бородкой и вставила его в замочную скважину одной из четырех квартир, расположенных на этаже.

– Знаете, Зинаида Ивановна, – начал Паша, обращаясь к сгорбленной спине женщины. – У меня есть хорошее предчувствие.

Та открыла дверь и обернулась к Паше.

– Что такое, Рома?

– Я думаю... даже уверен, что вашего внука не посадят! Вы знаете, я же учился на юриста и немного в курсе данной проблематики...

– Ой, Ромочка! – старушка громко зарыдала и бросилась ему на шею, не дав договорить. – Твои бы слова, да Боженьке в уши! – заголосила она, энергично шмыгая носом.

Паша стоял, оторопев. Он не ожидал такой бурной реакции и не знал, что ему делать.

– Зинаида Ивановна, успокойтесь. Зинаида Ивановна, – бормотал он смущенно, но женщина его не слушала.

– Кровиночка моя, ведь он там погибнет! Нельзя ему в тюрьму-то, ой нельзя! – причитала старушка.

За спиной у Паши раздался шум открываемой двери.

– Задунайская! – возмущенно взвизгнул женский голос. – Ты чего тут орешь? Люди отдыхают, не видишь? Твоего придурка наконец закрыли?

Зинаида Ивановна обмякла на Паше. Он обернулся через плечо и увидел, что из приоткрытой напротив квартиры старушки двери высунулась толстая баба в розовом халате. Ее жидкие, выгоревшие от постоянной окраски, волосы свисали на плечи слипшимися сосульками. На вид ей было лет пятьдесят.

– А ты кто такой? – она переключила внимание на Пашу. – Небось, дружок ейного уголовника?

– Это вас не касается! – отрезал Паша. – Шли бы к себе и отдыхали.

– Ты покурайкай, покурайкай мне тут! – злобно зашипела толстуха. – Развелось вас, как тараканов. Гляди, тоже сядешь скоро, чувствую это! Был бы человек, а дело найдется! – выкрикнула она напоследок и захлопнула дверь.

– Хорошие у вас соседи, Зинаида Ивановна, – сказал Паша старушке.

Та тихонько всхлипывала, постепенно приходя в себя.

– Это – Нюрка. Игорек одно время встречался с ее племянницей. Дочкой ее младшей сестры. Потом из-за чего-то разбежались. Вот она теперь ядом и брызжет.

– Понятно... Ну что ж, давайте я ваши продукты поставлю и пойду уже. Пора мне. – после всех этих эмоций Паша хотел поскорее выбраться на воздух.

– Может, зайдешь, чайку попьешь, Ромочка? – с надеждой спросила старушка, подняв на Пашу свои воспаленные глаза. – У меня же никого не бывает теперь. Дочке не до меня сейчас...

– Нет, Зинаида Ивановна, спасибо за приглашение. Извините, но я, правда, уже очень спешу.

У Паши на душе стало паршиво от того, что он вот так расстается с женщиной, но и оставаться с ней, разделить ее одиночество и горе было выше его сил. Он поставил ее пакеты на пол в коридоре и вышел обратно на лестничную клетку.

– Поверьте, у вашего внука все будет хорошо! – сказал он напоследок и быстро побежал вниз по лестнице.

– Спасибо тебе, Ромочка! – донесся до него слабый голос Зинаиды Ивановны. После этого он услышал звук захлопнувшейся двери.

– У них все будет хорошо, – пробормотал Паша, успокаивая себя, – Внука не посадят, они снова будут вместе.

Он вышел на улицу и вдохнул полной грудью осеннюю морось.

– Ну что, домой? – спросил Паша ДЖАРВИСа и, не дожидаясь ответа, пошел по тротуару, безуспешно пытаясь пошевелить пальцами правой руки. Он не видел, как из окна третьего этажа дома номер тридцать семь по улице Фабричная за ним наблюдала одинокая пожилая женщина с морщинистым лицом. Перед тем, как Паша скрылся за поворотом, Зинаида Ивановна перекрестила его и прошептала, – береги тебя Боженька, сынок.

В доме на Огородной Паша провел еще два дня, пока ждал заказанные ДЖАРВИСом документы. Скучая, он кое-как прибрался на кухне, и пару раз даже включал телевизор, но не мог смотреть показываемые там по федеральным телеканалам передачи больше десяти минут.

В первом случае он наткнулся на ток-шоу, в котором молодая размалеванная кукла лет семнадцати, представленная ведущим как жертва пьяного насилия, рассказывала о достоинствах и недостатках встреченных ею мужчин. Вторая пашина попытка приобщиться к голубому экрану была бесцеремонно прервана щеголеватым мужиком, который, сообщая прогноз погоды, позлорадствовал над «нижней частью гнивающей Европы – Испанией», где беспрецедентная засуха погубила большую часть урожая плодовых деревьев.

После данного негативного опыта телевизор Паша не включал и проводил время в попытках наконец почувствовать пальцы на правой руке и воспоминаниях о прошлом. О будущем он думать не хотел, чтобы не впадать в крайности от возможных вариантов развития событий. С ДЖАРВИСом Паша намеренно не общался, желая насладиться хотя бы видимостью одиночества. Тот уловил пашино настроение и не предпринимал попыток выйти на связь.

Утром третьего дня Паша проснулся от невыносимого зуда в переносице. Он машинально потянулся рукой к носу и яростно начал тереть чешущееся место. После того, как зуд удалось унять, Паша с удивлением обнаружил, что чесал нос он пальцами правой руки!

– ДЖАРВИС, ты это видел! – радостно воскликнул он вслух.

– *Я вижу все, что видишь ты,* – невозмутимо ответил его внутренний спутник. – *Рад, что моя уловка сработала.*

– *Уловка? Что это значит?* – Паша перешел на мыслеречь.

– *Я видел, что твои сознательные усилия не дают необходимый результат и осознал, что дело, скорее всего, в некоем психологическом блоке внутри тебя. Понимаешь, физиологически ты уже давно должен был обрести полный контроль над своей рукой. Однако этого не происходило. Я сделал вывод, что причина неудачи заключается в твоём сознании. Именно оно отказывалось принимать импульсы от нервных окончаний твоей новой руки. Такое случается. У вас, людей, убеждение в чем-то, порой, может привести к удивительным последствиям. К примеру, я узнал про эксперименты, когда человеку показывали якобы его конечность, а потом прижигали ее раскаленным предметом...*

– *Знаю, знаю,* – перебил Паша. – *На собственной руке испытуемого потом проявлялись ожоги, хотя, на самом деле, ему показывали чужую руку.*

– *Верно. Еще есть так называемый эффект плацебо, а также много случаев, когда люди в момент высшего нервного напряжения демонстрировали удивительные способности... В общем, ваши ученые сильно недооценивают перспективы изучения данных направлений...*

– *Давай вернемся к нашим баранам. Что ты в итоге сделал?* – нетерпеливо спросил Паша.

– *В итоге я решил положиться на твои рефлексы. Я выбрал момент, когда твое сознание максимально отвлечено, и воздействовал на рецепторы в области носа, спровоцировав чисто механический ответ для устранения раздражителя.*

– *Гениально, – проворчал Паша вслух, пытаясь скрыть в голосе радость от случившегося.*

– *Что там с документами?* – перевел он разговор на другую тему.

– *Сегодня до двенадцати дня их должны тебе доставить.*

– *Это будет Жорж? У меня же теперь другое лицо!* – взволнованно спросил Паша.

– *Нет, это будет обычный курьер. Но ты не переживай, это – рутинная операция, –* сказал ДЖАРВИС. – *Предлагаю тебе пока позавтракать и потренировать пальцы, чтобы потом не было никаких сюрпризов, когда тебе понадобится использовать руку на полную.*

– *А какие могут быть сюрпризы?* – встревожился Паша.

– *Мало ли... – туманно ответил ДЖАРВИС. – Сейчас этого не предугадать.*

– *Ладно, как скажешь, –* покладисто сказал Паша и, встав с тахты, пошел в ванную.

Подойдя к унитазу, он спустил трусы и хотел было испытать правую в деле, но его остановил предостерегающий голос ДЖАРВИСа, – *Я бы на твоём месте не стал этого делать.*

– *А что такое?* – вскинулся Паша.

– *Начни испытания с чего-нибудь менее ценного.*

– *Да? Хорошо, –* вздохнул Паша и совершил утренний туалет, пользуясь помощью левой руки.

Помыть руки удалось без особых проблем, хотя мыло так и норовило выскользнуть из пальцев. Зато, когда Паша взялся правой за тюбик зубной пасты, он не рассчитал силы и выдавил практически все содержимое в раковину. Представив на месте тюбика свой член, Паша покрылся холодным потом и мысленно возблагодарил ДЖАРВИСа за своевременный совет.

– *Что в мире-то происходит?* – спросил он у ДЖАРВИСа, чтобы отвлечься от мрачной картины.

– *Что конкретно тебя интересует? Политика, культура, общество, спорт?* – уточнил тот.

– *Ну, не знаю... Хотя бы общество.*

– *Английский король развелся со своей супругой. Во Франции проходят забастовки против повышения тарифов на электричество. Народ призывает местное правительство уйти в отставку. В Венесуэле людям наконец разрешили свободный обмен валюты. Испанские профсоюзы требуют отменить сокращение времени сиесты.*

– *Блин, попробовали бы у нас люди что-то потребовать...* – Паша скривил лицо перед зеркалом.

– *Вы же требовали четыре года назад.*

– *Да это разве требования... Собралось пятнадцать тысяч самых смелых в Москве и еще столько же, в лучшем случае, по России. И потом, что из этого вышло?*

– *Что же?*

– *А то ты не знаешь?* – Паша сплюнул в раковину. – *Про «требования» же в курсе.*

– *Мне хочется услышать это от тебя.*

– *Ну, попротестовали пару дней и разошлись. Половину потом пересажали за экстремизм, нападение на представителей власти и подобную хрень. С тех пор публичный протест для нас – слишком большая роскошь.*

– *А почему вы так легко сдались?* – спросил ДЖАРВИС

– *В смысле?*

– *Ваш протест ни к чему не привел. И вы прекратили собираться на площадях, прекратили выступать против политики властей, хотя ситуация не изменилась в лучшую сторону.*

– Блин, ну ты чего? До чего ты хочешь докопаться? – Паша закончил умываться и пошел на кухню, чтобы отварить остатки пельменей.

– Может быть, я хочу, чтобы докопался ты, – невозмутимо ответил ДЖАРВИС.

– Окей, босс, как скажешь. Значит, смотри. Первое, – Паша попытался согнуть мизинец на правой руке. Это неплохо получилось. – Лидеры протеста не смогли сформировать конструктивную повестку. Люди, по факту, просто выпустили пар и разошлись, не понимая, что делать дальше. Отсюда вытекает второе – недостаток опыта у протестующих и их лидеров.

– Так, а еще?

– Третье, – остальные пальцы загибались еще легче. – У нас не было единого лидера. Соответственно, настоящей монолитности в рядах, единого понимания.

– Четвертое, неравнодушных людей слишком мало. Большинство же – банально, овцы. Им насыпали корма в кормушку, благо нефть после известных событий в Иране снова поперла в космос, они и рады. А то, что стригут теперь чаще, стреноживают – ну что ж поделать, так исторически сложилось.

– И что, жизнь большинства стала лучше? У вас, первой в мире страны по добыче газа, газификация населения менее семидесяти процентов, а в сельской местности – чуть более половины. Количество больниц сократилось в два раза и скоро достигнет уровня тысяча девятьсот тринадцатого года. Качество образования год от года снижается, число госслужащих и военных, напротив, растет. Степень износа основных фондов превышает шестьдесят пять процентов. По уровню убийств и количеству осужденных вы находитесь в лидерах, а по уровню жизни – в аутсайдерах. – ДЖАРВИС словно читал по бумажке.

– Вот тут-то и парадокс! Жители крупных городов у нас, вроде как, стали жить лучше, хотя это не совсем так. А жители сел и деревень потихоньку вымирают. Но они, в силу и географического положения, и ментальности, разобщены и не осознают, что представляют собой грозную силу, случись им выступить единым фронтом против нищего существования. Но, одним из основных, если не главным фактором нашей покорности стал, конечно же, красный террор. Гребаные коммунисты вырезали цвет нации, – Паша в расстройстве стукнул ложкой, которой мешал пельмени, по плите. – Сотни тысяч, миллионы неравнодушных, умных, интеллигентных, предприимчивых людей были уничтожены в угоду серой массе ради формирования идеального стада. А те, кому удалось избежать этой участи, бежали из России.

– И потом, – продолжил Паша, – мне кажется, у нас изначально не было веры в то, что мы можем что-то изменить. Веры, что мы будем стоять на площади до тех пор, пока власть не примет наши требования.

– Мм... понятно, – изрек ДЖАРВИС, – А сейчас есть?

– Сейчас? Сейчас я уже вообще ни в чем не уверен. Мы не собирались уже очень давно. Практически все наши лидеры слились. Кто-то был куплен властью, кто-то – посажен... Один Некто до сих пор пытается поднять своих сторонников на протест. Но одних его усилий вряд ли хватит...

– Что ты, кстати, о нем думаешь?

– О Некто?

– Да.

– Слушай, ну, он, конечно, во многом прав в своих заявлениях. В чем-то я с ним не согласен, но, в целом, я бы его поддержал. Тем более, что других-то и не видно!

– Я тебя понял.

– Скажи лучше, как там обстоят дела с моими поисками? – решил поменять тему Паша.

На экране планшета военного образца замигал значок полученного сообщения. Семенов промедлил с минутой, прежде чем прочесть его. Он догадывался, от кого было это сообщение. Поиски Занозина до сих пор не дали ощутимого результата. Использование вычислительных мощностей тактического суперкомпьютера с базы оперативного батальона информационной контрразведки позволило сузить район поисковой операции до двадцатикилометрового радиуса вокруг места побега. Проблема была в том, что в эту зону входило достаточно населенных пунктов, включая достаточно крупный Чехов. Поэтому, даже с учетом выделенных секретарю Первого людских ресурсов, прочесать частым гребнем все клоповники, находящиеся в зоне, было очень проблематичным занятием.

Два дня назад Семенов отправил Первому ежедневный отчет о ходе операции и включил в него запрос на усиление поисковой группировки за счет привлечения сотрудников подразделений «Э» и, особенно, «С-2», но до сих пор не получал ответа. Семенов был готов к любой реакции Первого, но не хотел лишней раз заикливаться о раздумьях на эту тему. Он наблюдал за Гурвичем и видел, как тот чернел на глазах с каждым безрезультатным днем поисков.

Организм Семенова был закален многими испытаниями, поэтому, когда он открыл входящее сообщение и увидел в письме знакомый верхний колонтитул, подтверждающий личное авторство Первого, его сердце перестало биться лишь на три секунды.

«Выражаю серьезную обеспокоенность отсутствием результатов вашей операции» – взялся за чтение Семенов. Столь официальное начало письма вызвало у секретаря нешуточное волнение. Семенов был вынужден на короткое закрыть глаза, чтобы восстановить самообладание при помощи специальной техники самогипноза. После недолгой паузы Семенов продолжил чтение: «В усилении поисковой группировки отказываю. Тут активизировался этот пидор, Некто. По донесениям наших агентов, ему поступил солидный куш из неизвестных источников. Над выяснением всех обстоятельств сейчас работает большая часть сотрудников подразделения «Э». Начата подготовка к его нейтрализации. «С-2» тоже в этом участвует. К тому же они – слишком ценные кадры, чтобы разбрасываться ими направо и налево».

Здесь Семенов иронично ухмыльнулся. На его памяти не было ни одного случая, чтобы Первый разрешил кому-то использовать вновь сформированное, спустя десятилетия забвения, отделение СМЕРШевцев. Они выполняли исключительно задачи Первого, о которых не знал даже его личный секретарь. Семенов упомянул их в своем запросе только для того, чтобы лишней раз убедиться в этом. Он вновь взялся за чтение.

«По моему мнению, вы должны поменять тактику. Предлагаю воспользоваться советом, который я дал вам при личной встрече. Не заставляйте меня ждать, Семенов. Вы знаете, чем это может закончиться».

П.С. Привет Гурвичу.

П.»

Секретарь порадовался тому, что был сейчас в одиночестве, и никто не мог наблюдать его реакции на полученное сообщение.

– Стареешь, Семенов, – тихо сказал он сам себе.

Конечно, он помнил, что предлагал ему Первый, когда поручил данную поисковую операцию.

Разыскать родителей беглеца. Собственно, эта задача была выполнена достаточно давно. Отец Занозина пребывал на том свете, а мать подонка жила в Воскресенске и работала медсестрой в местной больнице. За ней велось наружное наблюдение, а в ее квартире были установлены «жучки». По данным агентов, старая стерва никак не контактировала со своим крысенщиком уже на протяжении десяти лет. Как раз со смерти отца, в которой, как рассказывали допрошенные людьми Семенова соседи, Занозин обвинял мать.

О смерти сына известного астронома Андрея Павловича Занозина, Андрея Андреевича, сообщила жена. Он был найден бригадой скорой помощи лежащим на полу кухни в своей квар-

тире. Врачи констатировали смерть в результате травмы головы. Как сообщил следственным органам сын покойного, незадолго до смерти мать с отцом в очередной раз сильно поругались на почве неустроенности жизни.

Вскоре после смерти отца, Павел Занозин уехал в Москву и поступил в Государственный университет управления, проживая в местном общежитии. После окончания учебы остался в городе, снимая небольшую квартирку на окраине. К матери не ездил, почтовых отправок не посылал.

– Ну что, мерзавец, посмотрим, насколько сильно ты любишь мамку, – пробормотал Семенов, набирая на планшете приказ о захвате Раисы Петровны Занозиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.